

И. П. БУДАНОВ

Дон и Москва

ЗНАЧЕНИЕ КАЗАКОВ В ЖИЗНИ РОССИИ

КНИГА V

ПАРИЖ

1957

И. П. БУДАНОВ

Дон и Москва

ЗНАЧЕНИЕ КАЗАКОВ В ЖИЗНИ РОССИИ

КНИГА V

ПАРИЖ

1957

ОТ АВТОРА.

В великоросской среде, как здесь, за границей, так и там, в СССР, отношение к Казакам отрицательное, часто даже враждебное, вследствие чего значение Казаков в жизни России ими замалчивается. (Напр., в Учебнике Истории СССР в войне 1812 года имя Платова не упоминается) Самим же Казакам своей историей заниматься запрещали; поэтому автор собрал в одном месте все те известные исторические факты, которые влияли на протекание истории Московии — России.

Перечень этот не рассчитан ни на полноту, ни на новизну, он подлежит пополнению; внесена в него лишь иная оценка событий и их значение, чем это представлено в русской истории.

**

Настоящая книга могла увидеть свет только благодаря жертвенности следующих лиц: Юрченко Н. В. — 10.000 фр., Фетисов Г. И. — 10.000, Братчиков Д. И. — 10.000, лицо, пожелавшее остаться неизвестным — 2.000, Маслов В. Д. — 7,5 ам. долл., Никитин — 2,5 ам. д., чрез Ивашкова — 4.000 фр., Яхонтова Н. И. — 1.000, Щепихин А. М. — 1.500, Лепешкин Б. Е. — 1.000, Соколов С. Д. — 1.000, Киреев А. П. — 1.000, Попов Д. Г. — 1.000, Шилякин А. В. — 1.000, Ирхин М. Г. — 1.000, Карманский — 2.000, Крюков П. Ф. — 1.000, Хопров М. П. — 2.000, Боровлев Н. К. — 1.000, Васильев — 600, Долгов Н. Н. — 1 кан. доллар.

Автор приносит им свою искреннейшую признательность.

Недостающая сумма пополнена лично автором.

Все вырученные от продажи этой книги деньги пойдут на издание книги «Казачья Восточная Европа» (кн. IV «Дон и Москва»).

И. БУДАНОВ

«БЕЗ КАЗАКОВ НЕ БЫТЬ БЫ РОССИИ».

Не звучит ли в этих словах переоценка значения Казаков в жизни Московского государства?

Такого выражения нельзя, разумеется, понимать в буквальном смысле, но оно указывает на то огромное влияние, которое Казаки оказали на рост Московского государства.

Несомненно, что для многих нынешних Великоросов, знающих русскую историю только по «одобренным» учебникам, может показаться странным, что такая маленькая горстка претендует на такое большое значение.

В этом отношении у многих Великоросов происходит своего рода историческая аберрация: они **нынешнюю** огромную Россию противопоставляют **тогдашнему** небольшому Дону, Яику, Тереку, не учитывая того, что для правильной оценки значения Казаков в жизни Московского государства надо брать и ее **самою, тогдашнюю же и при том небоеспособную**.

Отрицательный взгляд у Великоросов на роль Казаков происходит не только вследствие полного незнания ими казачьей истории и нежелания знать ее, но также и от настойчивого и сознательного противодействия русского правительства к изучению ее. Стоит только вспомнить преследование донского историка В. Д. Сухорукова, рекомендацию Казакам поменьше касаться своей истории и побольше строить манежей. В этом отношении нас так забили, что и сами многие нынешние Казаки до сих пор еще не выяснили себе в должной мере того, что было **сделано** ими для Московского государства, почему они сами и не представляют себе ясно всей важности и ценности содеянного **их** предками и не делают отсюда логического вывода.

А у иных Казаков, главным образом воспитанных в духе «любви и преданности», существует даже своего рода страх заявить об этом большом значении дела Казаков и они своим поведением уподобляются индийским париям, не дерзающим взглянуть на воду в колодце из боязни осквернить ее своим взглядом, так как воду эту, может быть, будет пить его господин.

Совсем не надо быть самостийником, чтобы говорить и писать о темных сторонах отношений Москвы к Дону; историю, всякую, надо знать, чтобы избежать ошибок прошлого, чтобы отдать должное каждому народу за то, что им сделано для общего блага и тем самым установить лучшие отношения в будущем.

Свое имя в русской истории Казаки вписали крупными буквами, но Великоросы постарались сделать так, что буквы эти стали еле видимыми, а при нынешнем режиме они и совсем исчезли.

В самом деле, кто из всех народов, населяющих б. Российскую империю, не исключая и самих Великоросов, кто дал столько для расширения пределов Московского государства?

Кто подымался на защиту прав человека и гражданина для самого великого русского народа, как не Казаки?

И делали они это не только бескорыстно, но и со столькими собственными лишениями и страданиями.

В созиидании Московии и особенно в критические моменты ее жизни, когда существование самого государства ставилось под вопрос, Казаки вооруженно вторгались во внутреннюю ее жизнь, а это особенно раздражало Москву и старую, и новейшую, отсюда всегдашнее и настойчивое стремление и той и другой к полному уничтожению Казаков, как организованной силы.

Прежняя, после Петра I, Россия, царская, императорская действовала в этом направлении, так сказать, эволюционным путем, путем постепенного сжимания Казаков со всех сторон все более и более и, в конце концов, все равно пришла бы к полному уничтожению их.

Так Николай II целые одиннадцать лет задерживал посылку грамоты о казачьих вольностях в «нижние и верхние юрты», которая обычно посылалась всяким новым императором на Дон. И только донская делегация принудила его сделать это.

Новая же Москва, идущая во всем революционным путем, т. е. путем насилия и жестокости, попросту разделила все казачьи Войска между соседними административными единицами, самих же Казаков с ужасами, превосходящими ужасы Новгородские и Псковские, разогнала по всему своему «лику» и по всему свету-белу.

Это казачье существо органически невыносимо ни для какого поработителя, диктатора, особенно если диктатор из самодуров.

Свою же роль Великоросы непомерно раздувают — барабанный бой, парады, оперы, 1) оды, стихи, сознательное и упорное

1) Так, напр., с начала до конца выдуманной истории с крестьянином Иваном Сусаниным, яко бы намеренно заведшем отряд Поляков в дремучий лес, чтобы тем предотвратить их нападение на «путное шествие».

отрицание и замалчивание помощи ей со стороны кого бы то ни было, «все сами».

Это значение Казаков в жизни Московии-России столь велико, что оно бросается в глаза само по себе при беспристрастном изучении казачьей истории, поэтому было бы странным, чтобы у Великоросов было бы еще желание подчеркивать их роль, «реальная же политика», т. е. шовинистическая, требовала как раз обратного, чтобы значение Казаков в жизни Московии-России затушевать, свести ее на нет, что Москва, потом Санкт-Петербург и, наконец, Ленинград так успешно завершили.

Великоросская общественность по своему обыкновению от казачьего вопроса отмахивается, ссылаясь на очень удобную и выгодную для нее теорию беглохолопского происхождения Казаков — «плоть от плоти» — замалчивает и о роли Казаков, или же иронизирует, когда о ней начинают говорить.

Происходит это от того, что откровенное признание Великоросами этого значения Казаков несколько снизило бы их самих и обязывало бы их к некоторой моральной и политической сдержанности в своем напоре против Казаков.

Если Великоросы широкой рукой выставляют свои созидательные и духовные силы, то позволительно будет и другим народам, входящим в состав России, тоже выставлять свою роль в созидании той же Российской империи.

Великоросы выигрывают в этом деле тем, что, пользуясь названием «русский», как общим, находясь на верху и держа в своих руках все пружины государственного аппарата, они приписывают сами себе все то, что сделано другими народами, входящими в состав России; они могут говорить и писать все то, что они хотят и как хотят, а остальное все — молчи.

По поводу того, что Немцы уменьшают роль Славян в разрушении Римской империи, Великорос Забелин пишет:

«Немецкие патриотические идеи никак не хотят допустить в историю той очевидной истины, что в разрушении Римской империи наравне с германскими племенами участвовали славянские или вообще народности нашей (подчер. мной) Скифии и Сарматии, поэтому Маркоманская война у них именуется даже просто Немецкого, хотя в самом имени Маркоман скрываются вообще пограничные обитатели севера Германии, в числе которых необходимо находились и Славяне от Одра и до Вислы. Каждый исследователь, сколько нибудь чуждый немецкому патриотизму

шедшее в Кострому с предложением Московской короны Михаилу Романову, и будто бы ими там зарубленным, посвящена опера Глинки «Жизнь за царя», поставленная на московской сцене свыше тысячи раз.

А сколько погибло Казаков в обстоятельствах более драматических и неведоманных.

и немецким воззрениям на историю, всегда в своих разысканиях встречаются с этою немецкою неправдой. Вот что заметил г. Дринов о Маркоманской войне: «Читая у Диона Кассия, современника этой войны и единственного источника для ее истории, какую значительную роль играли в ней не немецкие народы, нельзя не удивляться односторонности тех немецких историков, которые (Вебер), называя эту войну немецкою войною, присваивают всю, так сказать, славу ее одним немецким племенам... Не немецкими племенами они пренебрегают совсем, или раздают им какие то бессмысленные роли, делая из них, если позволено так выразиться, прихвостней так называемого Маркоманского союза». 2)

У нынешних Великоросов с понятием о Казаках связывается и понятие об охране русских границ, а так как границы теперь ушли далеко, то и надобности в Казаках нет: их надо или уничтожить, или же, в крайнем случае, переселить их на окраины, на границу, а земли их разделить между собою.

Представление о свободе человека и о достоинстве его у Великоросов развито довольно слабо; чуждо им и подлинное государственное чутье, поэтому они и не учитывают другого значения Казаков, как только «охранителей границ». В Великоросах - шовинистах этатизм поглотил человеческую личность; для них не государство для блага человека, а человек для государства; это учение немецких расистов Великоросами-шовинистами прочно усвоено.

Говоря о роли Казаков в жизни Московии-России, автор не имеет ввиду ни восхваления, ни хуления кого бы то ни было. Целью его является выяснить в меру своих возможных средств замалчивавшуюся, а ныне совершенно замолчанную помощь Казаков, позволившей Москве так далеко расширить свои пределы.

Великоросам, воспитанных и ныне воспитываемых, как здесь, так и, особенно, в СССР в нездоровом великоросском шовинизме, а также и в отрицательном, политически и морально, отношении к Казакам, трудно будет признать эту благостную для Московского царства роль Казаков, ибо в глубине души почти каждого Великороса все таки лежит кусочек этого отрицательного и не всегда доброжелательного отношения к Казакам, часто самими Великоросами даже и неподозреваемого и неосознаваемого; но стоит только заговорить с ними о казачьей автономии, особенно об автономии более или менее широкой, не говоря уже о самостийности, которая приводит их в ярость, как этот кусочек недоброжелательства в них тотчас же обращается в глыбу злобности и почти ненависти.

2) Забелин. История рус. жизни..., 294, пр. 2. (Слова эти, что называется, не в бровь, а в глаз самим же Великоросам).

В самом деле, чем другим, как не злобностью и ненавистью можно объяснить сплошное уничтожение Казаков и заселение их земель Великоросами?

Значение независимых Казаков в жизни Московского царства (мы здесь не касаемся Казаков, находившихся в пределах самой Московии, служивых, роль которых тоже была немало-важной) историками расценивается по разному; взгляды их зависят не столько от исторических данных и их беспристрастной оценки, сколько от политических симпатий самих историков или от их общественного и социального положения или же просто от «рекомендаций», которые им преподаны.

Историки, особенно те из них, которые проникнуты идеей «казацкой службы», указывают главным образом на военные и колонизаторские заслуги Казаков; другие историки, проникнутые иной идеей, идеей «русской исторической необходимости», «исторической миссии», «собирания русской земли», «колониационными устремлениями» и т. д., идеи по существу чисто шовинистические, видят в Казаках только «грубую силу», которую необходимо было «обуздать», 3) неспособную создать государства и лишь изредка руководившимися идейными порывами.

Казаки, действительно, не создали ни величественных храмов, ни скульптурных, ни других художественных произведений, да они и не могли их создать не по отсутствию к тому у них способностей, а потому, что вся жизнь их была боевая.

Но Казаки создали храм иного рода, которого не создали на Москве, и величественнее которого ничего не может быть — храм нерукотворенный, храм достоинства и свободы человеческой личности, куда стекались униженные и оскорбленные.

Но и Москва собственным местным гением тоже мало что создала культурного: Андрей Рублев (иконописец), но он ученик Феофана Грека, а не самородок; Барма, архитектор храма Василия Блаженного, был Татарин, что чувствуется в главах тюркского стиля.

Только в Коломенском дворце, правда, лишь в рисунках, там, действительно, чувствуется великоросский дух: это какая то «кукушка». (Произведения новгородские и псковские совершенно не относятся к московским, это всегда надо иметь ввиду, хотя Москва все это приписывает своему гению.)

Да и изучение самой-то России начали иностранцы, а не сами Великоросы, и труды их печатались на немецком языке, а не

3) Слова «обуздать» и особенно «измена», «изменник» суть излюбленнейшие слова в великоросском политическом жаргоне.

на русском: Витзен, Мессершмидт, Пуффендорф, Страленберг, Миллер, Гмелин, Паллас, Георги, Сиверс, Фишер и др.

Третья группа историков, меньшая числом, но наиболее из них культурная и просвещенная, смотрит на Казаков шире и глубже; они видят в них не только военную историю, но видят в них также историю политическую и социальную.

Эти три направления все так и рассматривают Казаков как силу, находящуюся в распоряжении Московских царей, действующую только по указам и повелениям их, не считаясь с тем, что до принудительной присяги и даже после нее (1685 г.) Дон действовал совершенно самостоятельно и независимо от Москвы.

Это отрицание великоросскими историками независимого от Москвы существования Дона и наложило свой отпечаток на их взгляд как на само Казачество, так и на их рассуждения о самих Казаках.

Мы не будем касаться дел Казаков, не являющихся яркими, но чрезвычайно полезных, выполнить которых Московиты были не в состоянии.

В 1567 году казачьи атаманы Иван Петров и Бурнаш Ялычев (руссифицированное тюркское имя, И. Б.) посланы были разведать страны, находящиеся на юг за Сибирью; они были и на реке Бакан (Абакан, впадающий в Енисей), описывают и Байкал; побывали в Монголии и Китае и их доклад является первым документом на Москве о возможности сообщений с Китаем сухим путем. (Впервые этот документ появился за границей.)

В 1616 г. опять Казаки, атаман Василий Тюменец и десятник Иван Петров ездили к Алтын-хану Кончакою, а 1619 г. атаман Ивашка Петлин и Петрунька Киселев были в Китае, и только когда все это было разведано Казаками, тогда лишь туда поехал Москвитин.

«Острог» (Gmelin. Sibir. R. T. III, p. 295) был основан в 1709 г.; в это время здесь была водворена сотня казаков, которая в короткое время освободила эту страну от всех разбойничих шаек на далекое пространство. 4)

Сколь важна была роль Казаков в удержании уже завоеванной самой Сибири видно из донесения одного сибирского воеводы, который откровенно отписывал Московскому царю, что без Казаков ему ничего бы не сделать.

Мы остановимся лишь на таких деяниях Казаков, которые непосредственно влияли как на судьбы самой Московии, так и на участь закабаленного в ней великого русского народа, не вдаваясь в подробности, достаточно уже исследованные и изученные.

4) Риттер. Землеведение Азии, III, 526.

Ни великоросские, ни казачьи историки не задавались целью подробно и обстоятельно выяснить то, как сложились бы судьбы Московии, если бы Казаки не совершили того или другого акта, касающегося ее.

Это обстоятельное исследование мы оставляем будущему историку-Казаку, сами же ограничимся лишь краткими очерками.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Первый известный нам контакт Донских Казаков с Московским вел. княжеством надо отнести к 1380 году, времени Куликовской битвы. 1)

Донские Казаки еще за два месяца до битвы по своей инициативе предупредили вел. кн. Дмитрия, беспечно пировавшего со своими боярами, о грозившей ему величайшей опасности; затем накануне битвы, перейдя к нему целым отрядом, привели в его стан «язык» весьма осведомленный, так как он был из царева (Мамаева) окружения, и тем самым они дали в. кн. Дмитрию ценнейшие указания об армии Мамае и ее расположении, а это указание дало Боброку необходимость расположить свои войска иным образом, чем они были до получения этих сведений от «языка», ибо новая диспозиция московских войск, т. е. переброска их за Дон, была решена накануне самой битвы, операция крайне рискованная, но, очевидно, вызванная полученными сведениями от «языка».

Что случилось бы с Москвою, если бы Донские Казаки не сделали этого предупреждения и не дали бы этих ценнейших сведений?

Москва несомненно была бы захвачена Мамаем совершенно врасплох; она не только не имела бы юго-западного рыцарства и такого опытного и талантливого руководителя как Боброк, но у нее не было бы своего войска, ни войск тех князей, которые служили Московскому князю, след., Москва была бы обречена на «милость победителя».

Мамай кроме своих войск, Татар и Половцев (Кипчаков), еще «к тому же рати понаимовал Бесермены, и Армены, и фрязы, Черкасы, Ясы, Буртасы», и все это надо было оплатить, оплата же войск в те времена состояла главным образом в грабежах; при таких условиях Москва была бы совершенно разорена и

1) О Куликовской битве более подробно говорится в главе о «Происхождении Казаков восточной Европы».

обессиленна, а народ подвергся бы еще большим страданиям и уничтожениям.

В наших школах учат о том, что Москва яко бы почувствовала себя настолько сильной, что решила сама свергнуть татарское иго и что это было ее первой попыткой к освобождению себя от татарского владычества.

Но для свержения татарской власти необходима была длительная и тщательная подготовка, тогда как в действительности в. кн. Димитрий даже не знал того, что у него делается подбоком.

Он и не собирался «освободиться» от Татар; между ним и Мамаем шел лишь торг о размере дани, уплачиваемой Москвой Золотой Орде: Мамай требовал увеличения ее, а в. кн. Димитрий соглашался платить ее только в прежнем размере, поэтому сама битва Куликовская произошла лишь вследствие вынужденной самозащиты Москвы и некоторых других государств, пришедших ей на помощь, а вовсе не потому, что она «почувствовала себя сильной и решила освободиться».

(Победа Московских войск над татарским отрядом в 1378 г. не является показательным, так как отряд татарский был незначительным,)

Этот факт помощи, оказанный Донскими казаками Москве, есть сам по себе, может быть, и небольшой, но по своему удельному весу он имеет для одержания победы над Мамаем огромное значение.

Как талантливый полководец, Боброк сразу же учел, что местность расположения вражеских сил не давала Мамаю возможности свободно маневрировать и тем самым с выгодой для себя использовать свои силы. Кроме того, эти полученные им от Казаков сведения позволили ему устроить и засаду, в которую был помещен отборный полк, в конце концов решивший участь битвы, так как московская рать под напором сил Мамаея дрогнула и побежала.

Не даром же икона Донской Божией Матери, как Благовестительницы, поднесенная донскими Казаками в. кн. Димитрию на Куликовском поле всегда была у московских вел. князей и царей в таком высоком почитании.

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ

Спросить в настоящее время — какое значение для России имеет дело покорения Ермаком Сибири — было бы совсем наивным вопросом.

Сибирь с ее безграничными пространствами, с ее лесами, водами, богатейшими недрами — сказочная страна, естественных богатств, только теперь начатых широко разрабатываться, но первое время «пушной» доход вместе с царскими кабаками 1) так обогащали казну Московского царя.

Отнимите теперь от России эту десятую часть земной суши (вся же Россия составляет только шестую), то можно видеть и понять всю грандиозность и величие для России казачьего дела, особенно по сравнению с теми мелкоштатными династическими войнами, которые вели сами Московские цари со своими соседями.

Завоевание Сибири представляется делом исключительно Казаков: в 60-70 лет они дошли до берегов Великого океана, Москва же только шла по казачьим следам, лишь «крепила» казачье стремление: крепление же это выражалось в том, что на отобранных у покоренного населения лучших местах, Московия — Россия, сгоняя с них местное население, строила города, за которыми можно было укрываться, усердно собирала ясак с местного населения.

Зависть ли некоторых великоросских историков к совершению этого великого дела Казаками, или как отражение современных казакофобских настроений, но только роль Ермака и его Казаков, их значение стали не только преуменьшать, но чуть ли не смешивать с грязью и даже хуже. 2)

1) Выражение «царские кабаки» некоторых великоросских патриотов шокирует; однако, это так. См. Древ. рос. Вивлиофика, IV, 132; Флечер, 106. Это выражение автор слышал, в детстве, от иногородних и усумнился; его уверили в правдивости.

2) Газ. «Русская Мысль», 1957 г., номера 1061, 1069 и др., статьи А. Байкалова.

Вопрос о завоевании Сибири Ермаком в настоящее время, благодаря нынешним антиказацким настроениям (мы это говорим не для пропаганды, а просто констатируем этот факт), искусственно довольно осложнен.

По поводу этого завоевания существует несколько летописей. Они собраны и изданы Археографической Комиссией — «Сибирские летописи» (С.-Петербург, 1907), но капитальной разработке, сосредоточенному изучению они еще не подверглись.

Мы остановимся на трех летописях.

1. «Повесть о взятии Сибирских земли». Так как эта летопись приписывает и инициативу, и организацию этого похода исключительно Строгановым, то Карамзин и назвал ее «Строгановской», относя составление ее к 1600 году, след., казачьего «Написания» автор этой летописи в своих руках не имел, а это «Написание» должно являться краеугольным камнем всех Сибирских летописей.

Строгановскую лет. Карамзин считает, как «достовернейшую всех», потому что ее «автор имел в руках своих грамоты Иоанновы, данные Строгановым» и писал «основательно, просто». Однако, в этой летописи есть дефект, который бросает тень на ее беспристрастность.

Грамота Ивана 4-го от 16 ноября 1582 г. дана Строгановым Максиму и Никите. Неизвестный автор летописи цитирует эту же самую грамоту, но произвольно вставил в официальный документ и имя Семен.

2. Вторая летопись: «История о Сибирской земли и о Царствии». Составлена она Саввою Есиповым в 1636 году, почему эта летопись и называется «Есиповской». Об источниках он говорит сам: «Ино-же написах с писания преж мене списавшего («Написание» самих ермаковых казаков в 1622 г. И. Б.)... ино-же от достоверных муж испытах, иже очима своима видеша і быша в та лета...»

3. Третья летопись «Тобольский летописец», по предположениям составлена Ремезовым, которому помогали его четыре сына; эта летопись идет под именем «Ремезовской». Карамзин думает, что Ремезов «пользовался народными преданиями, догадывался, вымышлял», и считает ее малоценной; Миллер же ею пользовался в своей «Истории Сибирской» и предпочитает ее другим летописям.

И еще есть «Краткая Сибирская летопись» (Кунгурская) со 154 рисунками; эта летопись посвящена исключительно делу завоевания Сибири Ермаком, не касаясь ничего другого.

Кунгурская летопись носит все следы казачьего «Написания» и в ней сохранились образцы казачьего летописания, чего в других летописях нет: народные выражения, казачья военная

терминология, самый язык близок к разговорному, точность и жизненность наблюдений и форма рассказа (о походе Брязги, напр.) ведется в первом лице: «егда-же начахом приступати на косогор»; отсюда можно заключить, что первоначальная запись об этом походе сделана кем то из участников похода; поэтому летописи этой надо отдать предпочтение перед другими. Кроме того, в ней сообщаются такие сведения, которые могли быть даны только лицами, близко стоявшими к нему и знавшими его: организация этого похода, порядок в нем, портрет Ермака; поэтому летопись Кунгурская заслуживает наибольшего доверия, чем какая либо другая.

**

Дело завоевания Сибири Ермаком представляет собою большой интерес, как с точки зрения организации самого дела, а также и лиц, осуществивших эту организацию, их способы действий, как военных, так и гражданских; представляет оно собою тот же огромный интерес и в смысле колоссального значения для России Ермакова дела, поэтому почти каждый историк задавал себе вопрос — кто был Ермак?

И до сих пор этот вопрос остается открытым, несмотря на многие предположения: одни историки уверяют, что родился он на р. Чусовой и дед его был близок к «разбойникам»; другие, — что родился на Каме от Тимофея Чигина, «сына Тихого Дона»; считают также, что родом он из стан. Качалинской, по другим Кагальницкой; иные же говорят, что донским Казаком он совсем и не был, а если и был «казаком», то в смысле грабителя, разбойника.

То, что Ермак мог родиться от донского Казака и на р. Чусовой, и на Каме, в этом нет ничего невероятного, так как Казаки находились повсюду.

Русской общественности мало известно, что Казаки, в частности и донские, были широко распространены по всему северу Московского государства, от Уральских гор до Господина Великого Новгорода включительно, до Ями; находились они даже в Средней Колыме, около полярного круга.

В 1650 г. у Семена Дежнева были стычки; в это время к нему подошли новые партии **колымских Казаков**. 3)

Рябков пишет: «В 1870 г. в гор. Средней Колыме (около полярного круга) — отставных Казаков с семьями 28 душ, вне его — 278... Он (теперешний колымчанин) решительно не знает или очень смутно понимает, что его деды, прадеды пришли из какой то России, с Дону». 4)

3) Русс. биогр. сл. «Дежнев».

4) Рябков. Полярные страны Севера. Сибирский сбор. под редакцией Ядринцева, с. 19. Спб. 1887.

Этот вопрос о принадлежности Ермака к донским Казакам можно разрешить только несомненными документами, могущими пролить некоторый свет.

В том отношении, что Ермак был донской Казак, можно привести несколько несомненных сведений, указывающих во всяком случае на его продолжительную близость к донским Казакам, его постоянную с молодых лет службу на Дону; подтверждает это и те многочисленные песни о нем, которые существовали только на Дону.

В 1623 г. ермаковский Казак Гаврил Иванов получил ответ от Московского царя на свою просьбу, где царь пишет: «в Сибири сорок два года, а прежде того он (Гавр. Иванов) служил нам на поле двадцать лет у Ермака в станице, и с иными атаманы; и как с Ермаком Сибирь взяли...» 5)

Из этого акта можно сделать следующие достоверные выводы: Ермак служил на Поле, у него была станица, атаманом которой он был сам. Если Г. Иванов имел в 1623 г. сорок два года службы в Сибири, то там он появился с Ермаком в 1581 г., а 20 лет служил на Поле, след., служба самого Ермака на Поле падает на период с 1557 года, надо иметь ввиду два года стоянки его на Сылве, начало же «заворуя» Ермака, т. е., появление его на Волге и нападение на торговые караваны, на иноземные посольства и на суда самого Московского царя, начались только с 1577 года, до этого же времени он находился на Дону.

В 1570 г. Ермак участвовал в Ливонской войне в казачьих войсках, которые пришли с Дону. В 1632 г. Московский царь прислал донским Казакам запись крестного целования, по которой они должны были служить ему. Казаки в этом категорически отказались. В своих мотивах отказа они перечисляют ему **свои** службы, которые они совершили ему «не за крестным целованием»: «... Ермак Тимофеевич Сибирь взял и прислал к Москве государю с языки, и царь Иван и тех атаманов и казаков, которые в Москву присланы были, не велел к кресту приводить, а Ермаку и впредь указал быти на своей, государевой, службе и атаманом и казаком — не за крестным целованием».

Из этого видно, что донские Казаки считали его своим Казаком, донским.

Вся исторически известная деятельность Ермака была связана с Доном и с донскими Казаками, поэтому естественно предполагать, что и родился он на Дону и принадлежит к донским Казакам. Так Броневский, напр., и утверждает, что Ермак был Казаком Качалинской станицы; А. Попов считает, что он был старшиной Качальницкой станицы и что ему была доверена охрана границ от Астрахани до Дона.

5) Русс. Ист. Библ., II, 401.

Само имя Ермака производят поразному. Так сказать «классическое» объяснение этого имени есть то, что в татарском языке большой котел, в котором варят кашу, назывался «ермак»; Ермак Тимофеевич яко бы варил кашу для артели, почему и прозван «Ермаком». В таком объяснении нет внутренней правды: в этом случае Ермак должен бы прозываться по своим действиям, по профессии — «Кашеваром», а не по той посуде, в которой варится каша.

Иные говорят, что имя его было Еремий, а от него упрощение — Ерема, Еремик, Еремэк, а в казачье-татарском произношении обратилось в Ермак. Попов А. называет его Ерм. 6)

Некоторые говорят, что настоящее имя Ермака было Василий, а фамильное прозвище его было Аленин-Повольский.

Двойные фамилии в Московии того времени носили только знатные лица: Турунтай-Пронский, Скопин-Шуйский и др. по своим земельным владениям.

Трудно допустить, чтобы у артельного кашевара были свои земельные владения. «Повольский», слово происходящее от имени реки Волги и это прозвище установилось за ним после его действий на Волге, которые были внушительных размеров — он владел Окой, Волгой и морем, прилегающим к устью Волги.

В основу «Краткой Сибирской летописи» (Кунгурской) положено «Написание», составленное ермаковскими Казаками по просьбе арх. Киприана и ему переданное. Об имени Ермака там говорится так: «... и в каковой храбрости Герман, в дружине своей Ермаком прослав и атаманом наречен», и в другом месте он назван «Ермачка Повольский».

Донской историк Леонов, проезжая через одну казачью станицу, слышал, как казачка кликала своего мальчика, называя его Ермачкой.

На вопрос А. Леонова, как его зовут, она ответила — Герман; таким образом, имя это держалось на Дону и в конце 1880-х годов. В строгановской л. слово «повольский» употребляется несколько раз: «поволских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи», «идоша с Волги атаманы и казаки Ермак Тимофеев поволской (с малой буквы, И. Б.) с товарищи, «... они, атаманы и казаки вольстии Ермак Тимофеев з дружиною».

Выводить таким образом родословную от Аленина-Поволского, только по прозвищу «повольский» едва ли будет убедительно; еще неубедительно и потому, что с такой же кличкой могли быть и сами донские Казаки, прославившиеся какими либо действиями на Волге.

Что представляет собою отряд Ермака, ушедший в Сибирь, и с какою целью он ушел туда?

6) Попов А. История о Донском Войске, 122. Харьков, 1814.

Обычно говорят — шайка разбойников, направившаяся туда с целью пограбить и только.

Такой ответ нам представляется крайне упрощенным.

Отряд Ермака не представлял собою «шайки разбойников». Численность его была в 1636 человек; 7) с Волги ушло около 5000 чел.; 8) так как они прибыли на Сылву в заморозь, то им нужно было построить жилища себе, часовню, во имя Николы, кроме того для похода в Сибирь им необходимо было достроить новые более мелкие струги, затем обеспечить себя запасами у Строгановых; все это заняло у них более двух лет; поэтому многие из Казаков поженились и уже имели детей 9) и в поход с Ермаком не пошли, оставшись на месте, которое получило название Ермаковского городища.

С Ермаком, как сказано, вышло 1636. Этот отряд был разделен на 4 полка: «и выборных есаулов 4 человека, то ж (т. е. 4 человека) **полковых** писарей, трубачи и сурначи, литаврщики и барабанщики, сотники, и пятидесятники, и десятники с рядовыми и знаменщики чином, да 3 попа». 10)

Такую организацию едва ли можно назвать «шайкой». Кроме того, была у них строгая, но справедливая дисциплина: «И указ на преступление чинили жгутами; а кто подумает отъити от них и изменить, не хотя быти, и тому по Донски указ, насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду».

Следилось в отряде и за нравственностью и за чистотою.

«Блуд же и нечистота в них в великом запрещении с мерска, а согрешившего, обмывши, три дни держат на чепах».

Все это: единое возглавление, сам Ермак; его штаб, ряд атаманов — Иван Кольцо, Богдан Брязга, Мещеряк, прозванный в одной летописи «великим атаманом»; четкое деление по частям, знаменщика (помимо общего знамени — Спасителя), религиозность, нравственность и чистота, наконец, говоря современным языком, оркестр, представляло собою стройную воинскую организацию, а не «шайку».

**

Какова же была цель похода Ермака и его отряда в Сибирь?

Обычно утверждают — с целью грабежа. Такой ответ является столь же упрощенным, как и определение его отряда, как «шайка разбойников».

7) Краткая Сибир. л., Кунгурская, с. 5, Спб. 1880.

8) Там же, 1. Это число подтверждается и тем, что Иван Кольцо требовал у Максима Строганова: «дай нам на росписку по іменом на струги, поартельно 5000, по іменом на всякаго человека».

9) Там же, 2.

10) Там же, 4.

О Казаках эпохи 1400-1500 годов мы мало что знаем; только конец 1500-х и начало 1600-х еще кое-что дают о них знать. По всем видимостям Волга, по крайней мере значительная ее часть, была если не во владении, то под фактическим контролем Казаков; завоевание Москвою Казани и Астрахани не только стеснило этот контроль, но открыто пошло против Казаков (посылка стольника Ивана Мурашкина). Перед этим часть донских Казаков ушла на Яик, часть на Терек. У самого Ермака было в это время «в скопе с 5000 человек, хотя итти в Кизильбаши (Персию, И. Б.) для своей власти, с Донскими и Яицкими». 11) Но узнав о посылке Ив. Мурашкина, он повернул струги и пошел вверх по Каме, и 26 сент. «обмишевился, не попал по Чусовой в Сибирь, а погрепо Сылве вверх и заморозь дошли до урочища, Ермаково городище ныне словет».

След., первоначальное намерение Ермака было итти для своей власти в Персию, но ввиду посылки Ив. Мурашкина заставило его повернуть на Каму и Чусовую в Сибирь несомненно для «своей власти».

Задержка его на Строгановской концессии была вызвана необходимостью экипироваться надлежащим образом, так как Сибирь страна неизвестная и холодная в противоположность Персии.

**

Загадочной представляется причина, почему Ермак, бросив службу по охране границ от Астрахани до Дона, кинулся на Волгу и море Каспийское и стал разбивать торговые караваны, нападать на посольства и на суда самого Московского царя? Такой резкий поворот в его деятельности несомненно должен бы иметь свои психологические и, может быть, глубокие основания.

А. Пыпов приводит мнение иностранных писателей о Ермаке, но не указывает самих источников.

«Иностранные писатели о Ермаке или Ерме Тимофеевиче, завоевателе Сибири, повествуют, что он храбростью и благоразумием на войне против соседственных орд снискал особенную доверенность и уважение войска Донского Гетмана и дружбу сына его Хорля, произведшую тайную любовь между им и Гетманскою дочерью Велики, которая, соединясь с ним отличными почестями за его воинские подвиги, произвела подозрение и зависть в Хорле; а прошение чрез посольство Константа, князя южной Сибири, от царства Астраханского до границ Мунгалов простиравшейся, себе в супружество Велики, обнаружило сию любовь и тем причинило Хорлу и его сестре смерть, а Ермаку побег, бывший, наконец, причиною завоевания Сибири».

11) Там же, 1.

Кто были Строгановы?

Родословная их также неизвестна: одни говорят, что это был выходец из знати в Золотой орде, другие относят их к Новгородцам, вышедших после погромов Иваном 3-м или Иваном 4-м, но к московской знати, напр., бояр, их отнести никак нельзя.

Московская знать и крупные административные лица, которые вообще были только из дворянства, подписывали свои челобитные Московскому царю словами — «холоп твой», простые же люди подписывались или «сирота твой» или «раб твой». Строгановы подписывали «сирота твой», след., ни к знати, ни к дворянству они не принадлежали, хотя и пользовались названием «именитых людей».

В Ремезовской л. приводятся слова грамоты Ивана 4-го: «Мужик, помни, да как ты с таким великим и полномочным соседом ссоришь...» «Паче всех Иван Кольцов со есаулы крикнуша (на Максима): «О, мужик, не знаешь-ли ты і теперь мертв».

Такое обращение к Строгановым, как «мужик», как со стороны Ивана 4-го, так и Ивана Кольцо ни в коем случае не могло относиться к знатым, родовитым людям.

Сибирь не была открыта Ермаком; путь туда через Каму был известен еще во времена Птоломея, да и сама Москва не раз пыталась было проникнуть туда самостоятельно; так Иван 3-й посылал в Сибирь три экспедиции 1465, 1483 и 1499, 12) но всегда неудачно.

В «Древней росс. Вифлиофике» про один из таких московских походов на Сибирь говорится так.

«В лето 1572 года до Ермакова приходу в Сибирь за семь лет, от царя и вел. кн. Ивана Васильевича всея России, прислан был в Сибирь (...) воевода с ратными людьми проведать царство Сибирское и воевать царя Кучума. Но те ратные люди побиты от Кучума, царя Сибири, а оные в полон взяты; немногие от них того приходу утекоша...; а снаряд весь, и пушку и ядра и зелье, порох и свинец, царь Кучум поимал себе». 13)

Утверждают, в целях уменьшения заслуг Ермака и его Казаков, что эту экспедицию в Сибирь организовали и снарядили Строгановы. Некоторые историки, в частности и Карамзин, руководствуются в этом случае Строгановской летописью, составленной по заказу самих же Строгановых и, несомненно, заказчиком в ней отведена руководящая, решающая роль, ибо за Ермаковское дело они получили огромнейшие концессии.

12) Géographie Universelle, V, 258. V. de la Blanche et Gallois.

13) Вивлиофика, III, 104.

Строгановская летопись носит на себе отпечаток заранее продуманного расчета, на ней лежит опытная в писаниях рука, летопись представляет известную стройность, что подкупило Карамзина, принявшего ее, как сказано, за более достоверную, но подавляющее большинство историков за более достоверные признает летописи Ремезовскую и Есиповскую, как составленные свободно и более соответствующие естественному ходу событий.

Строгановы не только не организовали этого похода, но наоборот, всемерно ему препятствовали, противодействовали уходу Казаков, так как присутствие их на строгановской концессии представляло для самих Строгановых большие выгоды в смысле надежности охраны концессии, промыслов.

Готовясь к походу на Сибирь, Ермак имел ввиду, это само собою понятно, оснастить за счет Строгановых, и он это потребовал от них так же, как требовал от Вогуличей, от Остякова и др. народов.

«А в поход Ермак на струги дружине своей у Максима взямая с пристрастием, а не вовсе в честь или взаимы... убити хотѣша и жита его разграбити в конец».

И только после этой страшной угрозы они выдали Казакам все требуемое, да и то с **меры, с весу и под расписку** с обязательством все взятое ими возратить. 14)

В тех же целях преуменьшения заслуг Ермака некоторые пытаются указывать на то, что завоевание Сибири Ермаком есть вещь самая обыкновенная и произошло оно только благодаря огнестрельному оружию, которого у Татар не было; однако они забывают или, вернее, сознательно умалчивают о вышеизложенном случае, когда московским людям и огнестрельное оружие не помогло.

Как сам Ермак, так и его Казаки действовали не одним только огнестрельным оружием, они сражались и холодным, проявляя высокую личную храбрость и отвагу, что было отмечено даже и самим покоренным населением.

«Собрание же вои (против Ермака) Чюваши, Казачьи орды, Вогуличи, Остяки... и сразишася нещадно, и за руки взяшася, тако секушася.» 15)

«И на усть Ишиму бой великой, яко не оружием, но руками, кто кого может; и в том бою убито Ермакова казаков пять человек, и одолеша бусурман, а своих погребоша; и о тех пяти чело-веках Татара поит с плачем при беседах в песнях припеваючи: яным, яным, биш казак, биш казак (воины, воины, пять казаков)

14) Участие Строгановых Тыжнову представляется **невольным**. (Сибирский сборник, 124. СПб. 1887)

15) Кунгурская л., 11.

победиша и разориша. И сия песня и словес царичын плач.» 16)

А про самого Ермака за его величавый образ местным населением были созданы легенды, и «именем его и до днесь божаются и кленутся». 17)

Когда его тело нашли в Иртыше, то оно первоначально послужило предметом издевательств над ним Татар; но когда первый гнев их прошел, они сами себя стали упрекать в этом и от этих эксцессов они перешли к его обоготворению.

«Одни уверяли, что прикосновение к его костям, к его плащу, к его оружию вылечивало больных; другие утверждали, что видели как из его могилы выходило пламя, поднимающееся до небес в виде блестящего снопа. Фанатики-почитатели пили, как универсальное средство, воду, в которой была земля, взятая с его могилы, или всегда носили на себе, как талисман, кусочек этой священной земли, а менее религиозные в этом культе не упускали случая всякий раз, когда шли на войну, на охоту, притти просить помощи, как небесного покровителя, того, кого они в этом мире рассматривали, как разбойника. Это почитание, столь странное в глазах наблюдателя, сохранилось до последнего века (1800 года) у Калмыков и у Татар.» 18)

Ради того же преуменьшения важности заслуг Ермака Броневский не стесняется прибегать и к булавочным уколам.

В рукописной Степенной книге или Новом летописце 19) сказано: «а к Ермаку повеле государь написати не Атаманом, а **князем Сибирским**». Броневский это оспаривает, говоря, что это дескать «подлежит большому сомнению; ибо до того не было еще примеров, чтобы жаловали кого в князи. Награждали по порядку чиноположения, но никогда и никого, как то ныне ведется, в князья не производили». 20)

Однако посадил же Иван 4-ый на Московский трон вместо себя Семена Бекбулатова и даже короновал его; отчего же московский царь не мог пожаловать Ермака только князем и при том князем Сибири, завоеванной самим же Ермаком.

Уходя в Сибирь («для своей власти»), Ермак с Казаками рассчитывал, собственно, найти там «новую реку», обычные стремления Казаков, чтобы установить там новый, казачий, порядок, где всяк был бы равен всякому, порядок столь отличный от московитинского.

16) Там же, 27.

17) Кунгурская л., 30.

18) Lesure, Histoire des Kosaks, 258. Leclerc. Histoire de la Russie ancienne,

II, 410-411.

19) Карамзин делает ссылку и на Ростовскую л. — И.Г.Р., X, стр. 709.

20) Броневский, История Донского Войска, 71.

Что он намерен был там обосноваться, видно из того факта, что Ермак долго ничего не сообщал Ивану 4-му о покорении им Сибири, надеясь закрепиться там самостоятельно, так же как закрепились Казаки на Яике, на Тереке.

Этой задержкой Ермака с известием о покорении им Сибири ловко воспользовались Строгановы и **первые** сообщили в Москву эту новость, разукрасив в этом деле свою роль, свое значение, за что, как уже сказано, получили колоссальную концессию.

**

«Россия Сибирью будет прибывать», предвидел Ломоносов. Ради любопытства: чем Москва отметила это великое деяние Казаков и чем она их отблагодарила?

Пржевальский, известный путешественник по Сибири, изучавший ее мир и растительный, и животный, и состав населения, умер на берегу озера Иссык-куль. За его несомненно полезную работу, из чувства благодарности к нему, русское правительство и город назвало его именем, Пржевальск, и памятник ему поставило на берегу озера, на месте, где он скончался.

Ну, а в отношении Ермака и его Казаков, давших эту самую Сибирь, которую Пржевальский только исследовал, в чем выразилась признательность России? Назван ли именем Ермака, в его честь, хоть один город в этой огромной стране?

Есть, по-географии, какой то «Ермаков-кокуй» и только.

Памятники Ермаку есть: один в Новочеркасске, но сооружен он за счет Донского Войска, другой — в Тобольске, в виде обелиска, памятник безличный, никого и ничего не представляющий, сооруженный только в 1838 г., по проекту инж. Брюлова, брата известного художника, и притом не по всенародной подписке, а только «кабинетом его величества»: российские граждане были устранены от этого общенационального дела, ясно, чтоб не прославлять в общественной среде имени Казаков и лишний раз не напомнить ей о грандиозности казачьего дела.

И самое место для памятника Ермаку в Тобольске выбрано тоже безличное и скрытое от взора людей, очевидно, чтобы памятник не мозолил глаз.

«Сначала думали», пишет по этому поводу г. Спасский, «что этот памятник поставлен будет в Тобольске, на так называемом Паником бугре, где он был бы **виден** со всех частей города и даже издалека с подъезда к городу от реки Тобола, впадающей здесь в Иртыш с левой стороны; но решено иначе и, конечно, не без **причины**».

Какой причины — автор не указывает, вероятно, по цензурным условиям.

Памятник поставлен в Тобольске, на мысе Чукман, лежащем над речкою Курдюмкою, текущею в Иртыш, и возвышающемся над нею до 25 саженей.

Виден ли этот памятник в городе?

Все это — и название города, и памятник, и самое место для него, все это, может быть, и мелочи, но мелочи такого свойства, которые ясно указывают и на самый подход к делу, и на отношение к нему со стороны властей придерживающих, имеющих в своих намерениях одно только снижение и затушевание великости для России казачьего дела, и только малая часть русской общественности как будто чувствовала иначе.

Поэт И. И. Дмитриев свою оду о покорении Ермаком Сибири заканчивает такими словами:

Но ты, великий человек!
Пойдешь в ряду с полубогами
Из рода в род, из века в век,
И славы луч твоей затмится,
Когда померкнет солнца свет,
Со треском небо развалится
И время на косу падет.

Но свет солнца еще не померк и небо еще не развалилось, а уже послышались новые песни, созвучные советской действительности — казакофобии.

В одной брошюрке, «Прошлое Казакстана», напечатано так: «Ермак — атаман донской казачьей вольницы, «завоеватель Сибири» (поставлено в иронические кавычки), положивший начало грабежу сибирских народов». 21)

Ермак, как только что было сказано, шел в Сибирь не для грабежа, а чтоб найти там «новую реку», обосноваться и установить казачий строй; ясак он взимал умеренный, щадя бедных жителей, а про грабителей население не складывает ни песен, ни легенд и их не обоготворяет.

Грабить и спаивать сибирские народы начали не Казаки, а Московитины.

Московский царь Федор Иванович «ясаку наложил (в 1595 г.) на Сибирское царство, на Иргизское государство и пр., на 94 года по пяти тысяч сороков (по 200.000) соболей, по 10 тысяч лишиц черных, да по 500.000 белки». 22)

21) Прошлое Казакстана. Сб. I, 279. Альма-Мата-Москва, 1935.

22) Кешпен. Хронол. указатель, 1595 г., Карам. X, с. 198, 199 и пр. 44.

Это огромное количество взимаемых мехов, при этом вооруженной силой, несравненно более подходит к понятию чистого грабежа.

С 1617 г. началось спаивание сибирских народов водкой из царских кабаков и это продолжалось до последнего времени, 22) вследствие чего многие из сибирских народов крайне обеднели, другие же просто вымерли.

23) Калачев. «Поездка...» «Русские кабатчики спаивают» (481). К сожалению, чем ближе Теленгуты живут к Русским, тем чаще посещают их русские купцы с водкой и со спиртом» (483).

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Смутная эпоха Великоросами изучена довольно односторонне, под углом зрения, направленном определенно против Казаков («такие же собаки — Доские казаки», начиная с летописца) 1) и притом с непомерным и без всякого основания восхвалением и возвеличением участия и значения дворянского ополчения.

Смутное время это особенно тяжкий, пожалуй самый тяжкий период в жизни Московского царства: в стране полный хаос, столица захвачена врагами-иноземцами, почти одновременно в стране существуют четыре правительства: Трубецкой и Заруцкий, Боярская Дума, сидя вместе с Поляками, также считает себя правительством, Пожарский рассылает грамоты по городам, как правитель, от «всей земли», во Пскове Лжедимитрий III тоже присваивает себе правительственную власть.

К этому надо прибавить полнейшее падение и без того невысокой морали, русские ратные (военные) люди разбежались из Москвы, оставя на произвол судьбы свое отечество — защищать его было некому.

Предлоги ратных людей, чтобы покидать фронт, бессодержательны: то, дескать, Казаки Шуйского поносят, а это им было нестерпимо переносить; то, одержав легкую малозначительную победу, ратные люди считают, что дело освобождения отечества завершено, и они могут уйти с фронта домой, ибо, как жалуется летописец, «дома жонки им милее»; вследствие такого массового дезертирства московская рать так обезлюднела, что вся защита Московского государства легла на плечи Казаков. 2)

Проф. Платонов по этому поводу пишет: «разъезд (т. е. дезертирство, говоря современным языком) служилых людей из-под Москвы, превращение земского правительства в казачье, падение Смоленска...» «Овладев властью над Москвою», продолжает Платонов, «казачий табор стал на время правительствен-

1) Никоновская лет., § 87.

2) Илов., Смут. Вр.; его же «Первенствующая роль Казаков».

ным средоточием всей страны и в первый раз мог торжествовать казачью победу над правителями старого московского порядка. Наступил самый критический момент во внутренней истории московского общества». 3)

И в эту московскую сумятицу Казаки сыграли исключительно важную роль, так как великий русский народ сам по себе был неспособен спасти своего отечества.

Очень много пишут об участии в этом деле Земского 4) ополчения, руководимого Мининым и Пожарским, представляя это ополчение, как единственного спасителя гибнущего отечества.

Однако участие и значение и самого Ополчения и его руководителей весьма преувеличено ради спасения патриотического лика самого великого русского народа; при ближайшем и беспристрастном отношении к этому делу значение этого дворянского ополчения с его вождями оказывается более чем скромным.

Москва, надо то сказать откровенно, любит сама себе создавать благоприятные для себя мифы, внушать самой себе, что все делается ею самой, одной и, создав миф, она начинает непременно верить в него.

Такой взгляд на малозначительность дворянского ополчения, взгляд, как идущий вразрез с твердоустановленным в великоросском обществе мнением об этом освобождении, с первого взгляда может показаться чуть ли не святотатством и кощунством — так не в меру превознесено участие дворянской рати, как и в нынешнее время Добровольческой армии.

Факт спасения Московского государства именно Казаками не признается Великоросами, а такой историк, как Соловьев, неудачу, напр., первого ополчения под Москвою приписывает не Прокопию Ляпунову, а исключительно Казакам, потому дескать, что «чистое смешано с нечистым, подле земских людей (очевидно «чистые», И. Б.) стояли Казаки 5) (надо полагать «нечистые», И. Б.).

Но особенно усердствует в этом отношении другой историк, Забелин, шовинист и ярый казакофоб, который в своей книге «Минин и Пожарский» Казаков просто смешивает с грядью.

3) Платонов. Смута, 517.

4) Едва ли здесь может идти речь о Земском ополчении, как это обозначают официальные историки, т. е., о вооружении всей «земли», всего государства, в современном смысле. Проф. Ключевский обозначает это ополчение как Земско-Дворянское, тогда как в действительности то было ополчение просто дворянское, «Сирота» же народ оставался в стороне, ибо и само число ополченцев, 4.000 человек, указывает на нешироту слоя, захваченного освободительным движением.

5) Соловьев. История..., VIII, гл. 8.

О Казаках в ту эпоху на Москве распространяли самые невероятные сведения, представляя их как каких то извергов рода человеческого: то бьющих о пороги или об углы младенцев, или поднимающих их на пиках или на саблях, и все это обязательно на глазах самих родителей, или же насилующих жен и девиц, б) также обязательно на глазах мужей и родителей, представляют Казаков, как грабителей церквей, обдирающих святые иконы, богохульствующих, не говоря уже о беспрестанных казачьих «грабежах». 7)

И на этом мрачном фоне казачьих «безобразий» великоросские историки воздвигают как бы на высокие ходули Минина и Пожарского, облачая их в фальшивую тогу спасителей гибнущего отечества.

Борис Годунов повел ярую атаку против донских Казаков, видя в них противников своих захватнических воцелений: построил ряд крепостей и городов — Елец, Ливны, Воронеж, Оскол, Валуйки, Белгород, Царев Борисов, шедших с севера на юг параллельно земле казачьего присуду и тем самым поставил их независимость под прямую угрозу; пытался вторгаться в их внутреннюю жизнь (навязывание им в головы Петра Хрущова) и в довершение всего он закрыл для них границы Московского царства и стал преследовать донских Казаков по всем городам, где бы они ни появились, сажая их и тюрьмы, и в воду, и на кол, или же просто вешая.

Такое поведение Годунова естественно вызвало в Донском Войске раздражение и вполне понятное опасение за свою независимость.

Когда молва о появлении спасенного царевича Димитрия дошла до Войска Донского, то оно, не полагаясь на слухи и действуя осмотнительно, послало к нему своих послов атаманов Межакова и Корелу.

Они, заметя, что Димитрий держит себя, как подлинный царь, видя какой честью он окружен, наблюдая, как московские

6) При Петре I Великоросы если и не били об углы младенцев (а может быть и били), но вырезать всех младенцев мужского пола они приказывали (Меньшиков в Каневе). В Смут. время «особенно свирепствовали хлопцы: связав господ, насилывали жен и детей». (Илов. См. вр., 103) «Некоторые из крестьянских предводителей выдвигались своею удалью, а чаще всего свирепостью (Салков)» (там же, 137).

«После смерти Лжедмитрия I фрейлины его жены Марины были расхвачены боярами по своим домам. Через год они были уже матерями». (там же, 72)

7) Забелин. Минин и Пожарский, 196. «Мы скажем одно, что вся эта казацкая политическая ненависть против государства выражалась по преимуществу разорением крестьянина, опустошением земли крестьянской».

бояре падают перед ними ниц, они поверили в подлинность спасенного царевича Димитрия. Донские Казаки решительно стали на его сторону против ненавистного им Бориса, чем и решили судьбу и того, и другого.

С этого момента донские Казаки стали главной опорой Димитрия; предложенная было им, донским Казакам, присяга ими отклонена, след., они выступали, как его союзники, преследуя свои политические цели, обеспечить и укрепить свою независимость путем возведения на Московский стол своего кандидата и тем самым обеспечить со стороны новоизбранного царя признание своей независимости, так как предшествующий царь В. И. Шуйский пытался было привести их к присяге. (Д. Д., I, 23)

Запорожские же Казаки, первоначально было примкнувшие к нему, вскоре отстали, удалившись на север.

Это вмешательство донских Казаков, а потом Волжских, Яицких и Терских, судя по тому значению и по той роли, которую они сыграли в судьбах Московского государства, нужно рассматривать, как **вооруженную интервенцию** во внутренние московские дела.

И эта благодатная интервенция в конечном итоге **спасла** Московское государство, помогла ему «опять взыскаться» и избрать царя, благодаря чему Московское государство могло снова стать на ноги.

Донские Казаки признали Димитрия за подлинного царевича; был ли он им в самом деле или нет. до сих пор еще не решено, однако, надо сказать то, что царица-мать публично признала Димитрия за своего сына, и они на глазах народа, обнимаясь, проливали слезы радости от этой встречи.

Но как бы то ни было, а донские Казаки воспользовались этим случаем, чтобы свести свои счета с московским царем Борисом Годуновым.

В то Смутное время образуется первый триумвират; во главе его стоят два казачьих вождя — кн. Трубецкой и Иван Заруцкий и вождь ополчения Прокопий Ляпунов.

Руководящее значение в этом триумвирате великоросские историки приписывают Ляпунову, яко бы за его мудрость, хотя он и стоял только на третьем месте; это последнее обстоятельство Великоросами объясняется тем, что Трубецкой, де-скасть, князь, Заруцкий уже боярин, хотя и из рук Лже-Димитрия, Ляпунов же только думной дворянин; но такое расположение мест надо объяснить не «чинами», а удельным весом казачьих вождей и казачьей боеспособностью, т. е. соотношением реальных сил. Ляпунов по своему характеру, а также по своему честолюбию, если бы мог хотя бы чем нибудь обосновать свое первое место в триумвирате, то он этого не уступил бы и стоять на третьем ме-

сте он никогда не согласился бы, то же, что случилось потом с кн. Пожарским во втором триумвирате, где он также стоял на третьем месте, хотя Заруцкий и не был князем.

**

Карамзин пишет исторический портрет Ляпунова в высокопарных тонах, представляя его к тому же, как «жертву казачьих интриг».

«Один Россиянин был душою всего и пал, казалось, на гроб отечества», пишет о нем Карамзин. «Врагам иноплеменным ненавистный, еще ненавистнейший изменникам и злодеям Российским, тот, на кого Атаман разбойников, в личине государственного Властителя, изверг Заруцкий, скрежетал зубами — Ляпунов действовал под ножами (...) и великодушно принял смерть от его извергов». 8)

Однако современные летописи и особенно иностранцы, не связанные официальнойностью, употребляют для портрета Ляпунова совсем иные краски, чем Карамзин, официальный историограф.

Сей «величавый муж» был в сущности большим интриганом, к тому же с самодурным характером, легко раздражался матерной бранью, человек с беспредельным чванством; он менее всего заботился о спасении отечества, а больше всего был занят личной карьерой, сам метя в московские цари.

«Слышав же о сем, Прокопий Ляпунов, что кн. Михаил Скопин скончался и нача умышляти на царя Вас. I злое свое коварство.» 9)

Затем Ляпунов приступает к разложению ополчения.

«Они же — ратные люди — не поидоша к Москве, а Рязанцы отказашася по **умышлению** Прокофья Ляпунова; Прокофей же наипаче нача со кн. Вас. Голицыным **умышляти**, как бы царя Василия ссадити.» 10)

«Сей же Прокопий Ляпунов не по своей мере вознесся и гордость его многим отецким детям позору и бесчестья делаша, не токмо боярским детям, но и самим бояром. К Казакам же жестокость имяше: за то на него бысть ненависть великая.» 11)

Польский историк Бер говорит, что «Ляпунов подчинил себе несколько городов, вел войну против Димитрия Второго, Шуйского и короля Польского; называя себя Белым царем и уверяя, что стоит за Русскую Веру. Куда только приходит войско его, там не оставалось и травы в поле.» 12)

8) Карам., XII: 325, 327.

9) Карам., XII, пр. 532.

10) Там же, пр. 549.

11) Илов. Смут. в., 211, 212.

12) Карам., XII, пр. 534.

Видя в Казаках препятствие к своему самовластию, к овладению московским тронem, Ляпунов, естественно, ненавидел их и хотел всеми средствами отделаться от Казаков.

И средство это он нашел: повсеместное и одновременное (в один день и час) уничтожение всех Казаков. Для этой цели им был составлен и разослан соответствующий приказ, и во исполнение этого приказа Плещеев потопил 13) 28 Казаков, ехавших за сбором необходимых кормов, так как Казакам их никто не давал и давать не хотел; второю же грамотою Ляпунов предлагал Полякам предать в их руки Казаков.

Для обеления Ляпунова в этом деле великоросскими историками была выдумана история с «искусной подделкой» Поляками этих грамот. Иловайский говорит, что будто бы «при размене какого то пленного Казака Гонсевский велел сообщить эти грамоты атаману Заварзину»; но ведь Плещеев потопил Казаков ранее получения Заварзиным этой «искусной подделки».

Вызванный в стан Казаков Ляпунов, как известно, заявил, что «рука положила на его руку, но что он не писал»; первый его отказ пойти в стан к Казакам вызвал у них естественное подозрение в составлении им этой грамоты, а потом его поведение во время личных объяснений с Казаками убедило их в преступных замыслах и действиях Ляпунова против Казаков.

Конец был тот, что Казаки зарубили его на месте.

Из всех действий Ляпунова, из общего его поведения и из истории с «искусной подделкой» ясно вытекает, что первое ополчение было разрушено самим Ляпуновым, а вовсе не Казаками, на которых великоросские историки стремятся свалить всю вину («чистые и нечистые», Соловьев); «охотно соглашаемся, пишет Забелин, что именно Казаки, если и не сочинили Смуту XVII ст., то значительно ее распространяли»). 14)

Присоединил к ним, к С. Соловьеву и к И. Забелину, свой голос и Иловайский.

«Почти стотысячное ополчение (с присоединением московского населения) казалось одним числом могло задавить 7.000 польский отряд. Но в действительности силу ополчения подрывали неизбежное отсутствие единства в предводительстве и особенно присутствие большого количества Казаков — элемента противогосударственного и трудно поддающегося воинской дисциплине»

13) Платонов пишет, что «Плещеев поймал — вероятно (?) на воровстве — 28 Казаков и посадил их в воду. Товарищи спасли их». (Плат. Очерки, I) Костомаров же прямо утверждает, что Плещеев их потопил.

14) Забелин. Мин. и Пожар, 192.

Проф. Ключевский приводит справку о Новгородцах; когда им нужно было собрать деньги, то имущий класс облагался в 112½ раз тяжелее сравнительно с простыми гражданами.

Второе ополчение, дворянское, началось организовываться для освобождения отечества лишь **после** того, как власть государственная всецело оказалась в руках Казаков, до этого же времени к господству Поляков на Москве оно относилось довольно равнодушно.

Это казачье первенство в Московском государстве и возбудило у дворян жгучую ненависть и злобу против Казаков.

Дворянское ополчение, собравшись в Нижнем Новгороде и перейдя оттуда в Ярослав, не очень рвалось защищать родину, также не собиралось и закладывать ни своих жен, ни своих детей, а предпочитало выколачивать деньги из населения и притом самым жестоким и бесчеловечным образом: кто не мог внести деньгами пятой части своего имущества, того попросту продавали в холопство и этим путем число холопов значительно увеличивалось; это же невнесение денег на освобождение родины свидетельствует и о невысоком чувстве патриотизма самого народа. Минин, как видно, хорошо знал этот патриотизм своих сограждан: постановление о взимании пятой деньги он **немедленно** же из Нижнего Новгорода переслал к Пожарскому из-за боязни, что это постановление у него **отберут**.

В Ярославле дворянское ополчение протолкалось целых четыре месяца, теряя драгоценнейшее время. Такая непонятная медлительность стала раздражать всех: и Казаки, и Троицкий лавра по несколько раз обращались к рати с просьбой поторопиться ввиду крайне опасного положения государства, но все было тщетно: рать топталась на месте, не торопилась.

Авраамий Палицын вынужден был псехать в Ярослав, чтобы убедить дворянское ополчение поспешить на помощь государству, но возвратился оттуда в угнетенном состоянии: нашел он там только «**мятежников, и ласкателей, и трапезолюбителей, а не боголюбцев, воздвигающих гнев велик и свару (спайку) между воевод и во всем воинстве**». 16)

Когда, наконец, дворянская рать стала подходить к Москве, то казачий вождь кн. Трубецкой выехал к ней навстречу и предложил соединить силы воедино, чтобы действовать совместно, но на это последовал гордый ответ: «**отнюдь** нам вместе с Казаками не стаивать».

Какие же причины были такой медлительности движения дворянского ополчения?

То, что Ополчение продержалось в Нижнем Новгороде два месяца, это еще понятно: движение зародилось там, след, ополчению требовалось время, чтобы организовать, экипироваться и вообще привести в порядок во всех направлениях, но из

16) Забелин. Мин. и Пожар., 94.

Нижнего оно вышло уже в поход, т. е., организовавшимся, поэтому в задержке его в Ярославле и в дальнейшем очень медленном продвижении к Москве в течении ненормально долгого времени проскальзывает что то подозрительное.

Первой и главной причиной ярославской медлительности было полное отсутствие у дворянской рати подлинного **энтузиазма**, т. е. отсутствие в данном случае подлинного патриотизма, который воздвигает гнев велик и делает спайку между воеводами и во всем воинстве, и это отсутствие подлинного патриотизма действительно было, несмотря на крики позднейших историков и литераторов, пытавшихся все это обелить, а всякие неудачи в освобождении Москвы приписывать Казакам.

Это отсутствие энтузиазма делало дворянскую рать **небоеспособной**, что в дальнейшем и подтвердилось, ибо для освобождения отечества ополчением ничего существенного сделано не было.

Взаимная вражда ополченских вождей, т. е. борьба за власть («мятежники»), порождавшая интриги и взаимные подсиживания, ехидную лживость друг перед другом («ласкатели»), также влияли на энтузиазм и на поспешение ко спасению отечества.

Стремление выколотить из населения возможно больше денег не мало влияло на порыв вождей дворянского ополчения спешить к Мескве, избыток же средств в связи с интригами очень располагал к развитию в среде ополчения кутежей («трапезолюбители»).

Это трапезолюбие было распространено не только в дворянском ополчении. Историк Иловайский с грустью отмечает: «А из ратных людей в то печальное время предавались разгулу, т. е. пьянству и разврату (в осажденной Троицкой лавре)». 17)

Весьма существенную роль в этой медлительности играла и тайная надежда у ополченцев на то, что Казаки одни справятся с Поляками, и оно выжидало этого события, а после того дворянское ополчение придет в Москву с свежими силами и деньгами и захватит власть в свои руки, чему Казаки, истощенные борьбой, препятствовать уже не могли бы.

Между Казаками и дворянским ополчением не только не было единства, но наоборот, существовала обостренная враждебность.

Враждебность эта обуславливалась вовсе не «казачьими грабежами»; это явление легко могло бы быть устранено правильным снабжением Казаков необходимыми кормами, что потом и было сделано. Находясь вне своей территории, Казаки, есте-

17) Илов. См. вр., 118.

ственно, должны же были иметь провиант, корма, которых им никто не давал.

Князь Трубецкой и Заруцкий неоднократно обращались к населению, к Сироте-народу, с **просьбой**, очевидно рассчитывая на его патриотизм, чтобы оно дало **«что кому мочно»**, но сами русские люди, как это из всего видно, не очень охотно шли на это и часто случалось, что собранное для Казаков разворовывалось самими же Русскими.

Что же при таких условиях оставалось делать Казакам, как не им самим собирать корма, реквизировать, говоря современным языком. Отсюда и происходили постоянные недоразумения, выливавшиеся как с одной, так и с другой стороны в эксцессы, ныне великоросскими историками обращенные в «казачьи разбои», усиливавшиеся еще и сознанием Казаками того, что они пришли спасать государство от иностранного пленения, а спасаемое население противодействует не только им, но даже союзникам своим Шведам, обозы которых начали грабить сами же Русские, и это в то время, когда Шведы сражались за них против Поляков.

Немалое значение во враждебном отношении к Казакам дворянского ополчения и самого населения сыграли русские дезертиры, в огром количестве разбегавшиеся по домам и бросившие на плечи Казаков свое отечество, эти русские **«лучшие, настоящие люди»**, как их рекомендует И. Забелин. 18)

Чтобы оправдать в глазах населения свое дезертирство, эти ратные люди и распространяли в стране ложные и клеветнические сведения о казачьих насилиях. К пропаганде дезертиров надо прибавить еще и бесстыжую пропаганду реакционной боярщины (грамота от января 1612 г.) и тех честолобцев, которые видели в Смуте благоприятную обстановку для своих личных достижений.

Казаки все это знали и несомненно учитывали.

Крайняя медлительность движения самого ополчения, а также устроенная его вождями примитивная провокация, будто бы Казаки покушались на убийство Пожарского, 19) самая гордыня дворянской рати и пренебрежительные слова — «отнюдь... не стаивать», — материальная обеспеченность Ополченцев и вопиющая нужда Казаков и отказ Ополченцев материально притти на помощь Казакам 20) также мало способствовали установле-

18) Забелин. Мин. и Пожар, 9.

19) Как на причину своего замедления в некоторых своих распорядительных грамотах Пожарский прямо указывал на «гнусное» поведение Заруцкого и его Казаков. (Илов. См. вр., 236)

20) «Казаки так ожесточились на дворян и детей боярских, упрекая их в стяжании многих богатств, а себя называя натими и голодными, что

нию добрых отношений между Казаками и дворянским ополчением.

Но самая главная и основная причина ненависти дворянской рати к Казакам были их различные политические и социальные концепции — реакционность дворянской рати с одной стороны и казачий демократизм с другой; здесь сталкивался дух рабовладельчества с духом свободы.

В ту смутную эпоху Казаки столкнулись с дворянством **реакционным**, а не **консервативным**; консервативно настроенные люди все таки способны были бы пойти на некоторые здоровые нововведения в государственной структуре; через 300 лет, в эпоху второй смуты (1917-1920) тому же Казачеству пришлось столкнуться с элементом **обратнопротивоположным** — необузданное разрушение Великоросами веками сложившихся установлений, тогда как Казаки у себя без всяких разрушений произвели ряд необходимых реформ.

Вот эта то грядущая для закабаленного народа свобода, где будет всяк равен всякому, была для дворян страшнее самых Поляков, ибо в Поляках того времени реакционная дворянская рать могла бы еще найти сочувствие своему режиму; этот страх за своих «людишек и деревнишек» и заставил московских дворян подняться.

Казаки видели, как русские люди в этот тяжкий момент богатели поместьями.

Когда Казакам потребовалось на жалованье только 1.000 руб., сумма, которую дворянское ополчение легко могло бы внести, однако оно их не дало им, а дворянское ополчение располагало большими средствами — не свои же 20.000 руб., сумма по тем временам огромная, истратил Пожарский, бедный и худородный князь, на свою пропаганду в московские цари.

Тут происходит знаменитая сцена с приносом в заклад, в обеспечение уплаты жалования, церковных вещей, от принятия которых босые и голодные Казаки по своему высокоразвитому религиозному чувству, принять отказались.

Это движение подлинного религиозного чувства Казаков Забелин объясняет по своему: «как не были жадны и суровы на восхищение, от закладов пришли в зазор, устыдились и все отослали обратно в монастырь» и далее он пишет: «обещали Казакам всю Сергиеву казну отдать (все равно все будет разграблено)», иронизирует Забелин. «Казаки за это с радостью обещали за веру Христову стоять и головы свои положить», насмехается Забелин. 21)

хотели разойтись в разные места, а некоторые предлагали даже побить и разграбить их имущество (Илов. См. вр., 240).

21) Забелин. Мин. и Пожар., 108.

Пришли к дворянской рати ополченцы с украинских городов и стали на стыке между Казаками и дворянской ратью. Будучи плохо одеты и голодны, новоприбывшие ополченцы подняли ропот и послали делегацию в центр рати, откуда им прислали все необходимое, Казаки же, стоявшие рядом с этими ополченцами, попрежнему оставались наги и босы.

Такова была ненависть к Казакам. 22)

Видя к себе такое отношение как в смысле моральном, так и материальном, Казаки предоставили дворянской рати действовать самостоятельно, одним.

«Богаты пришли из Ярославля. Пусть одни отбиваются от гетмана.»

Основные душевные качества как отдельного человека, так и народа таятся где то в душевных глубинах и всплывают они только в исключительных и тяжких обстоятельствах.

В своей исторической жизни Великоросы дважды были предоставлены самим себе в полном смысле этого слова — в 1604 - 1613 гг., т. е. в так называемое Смутное время, и еще раз через 300 лет в 1917 г. Как в этот, так и в тот период народ был лишен привычной ему верховной власти.

В эти периоды великоросский народ имел все возможности проявить свою духовную сущность, свое государственномыслие, но он каждый раз оказывался не на высоте своего «величия».

Мы говорим «народ», понимая под этим словом не одно «простонародье», а все население — с самого верха до самого низу.

Во второй раз, в 1917 г., народ был предоставлен самому себе в тот момент, когда враг был еще только, так сказать, **во дворе**, а не **в доме**, как было то в Смутное Время. «Ратные» люди, т. е. солдаты, воткнув штыки в землю и бросив фронт, а вместе с ним и отечество, на милость врага, ринулись к вагонам и учинили по всей Руси новую смуту, и только узенькая казачья полоса от Балтийского до Черного моря продолжала еще некоторое время быть на вахте.

Первая смута была преодолена «Божией милостью и казачьей службой», вторая смута — 154-мя молодцами, приехавшими в Русь из-за границы в запломбированных вагонах, но опять таки не самими Великоросами.

22) Это отношение к Казакам в Смутное время со стороны Москвитян живо напоминает такое же отношение к Казакам со стороны тех же Москвитян-Великоросов и в войну 1812-1814 гг. и ту же брань Казаков.

Здесь мы напомним только один из случаев такого отношения к Казакам, когда атам. Платов чуть не умоляет великоросское командование отпустить на корм лошадям хотя бы **соломы**, а для раненых и больных Казаков **съедобного хлеба**, тогда как великоросская армия в это же время всем располагала вдоволь.

Какова же была роль Казаков в Смутное Время?

Первое, что обращает на себя внимание, это то, что дворянское ополчение начало формироваться только тогда, когда власть над Московским государством оказалась, как сказано, в руках Казаков.

«Поход дворянской рати из Нижнего продолжался без малого шесть месяцев, из которых почти 4 месяца она стояла в Ярославле. Поход медленный», 23) соглашался даже сам Забелин.

Четырехмесячная стоянка в Ярославле объясняется раздорами между собой воевод, борьбой за власть и веселым времяпрепровождением («мятежники», «ласкатели» и «трапезолюбители», о которых говорит Авраамий Палицын).

Под Москвой она бесплодно простояла еще три месяца.

Чем же, собственно, ознаменовался этот период? Чем блеснула за это время дворянская рать? Какие ее высокие военные подвиги способствовали освобождению отечества?

Забелин приводит интересные выдержки из книги г. Кедрова, отрицательно относящегося к Нижегородскому ополчению.

«Из рассуждений Кедрова выясняется», пишет Забелин, «что показания летописцев неверны, пристрастны к Нижегородскому ополчению; что события в них перепутаны (с. 137-147); что Пожарский и все его ополчение во все время показывали **трусость**. Пожарский из трусости и по случаю обильных трапез медлил в Ярославле (119, 125), у Троицы (122, 123); что его ополчение при отбое Ходкевича в Москве из трусости спряталось по ямам и крапивам (145). Затем Пожарский является лжецом (109) и обидчиком (110) против князя Трубецкого, главным виновником того, что между Казаками и земцами возникла ненависть и вражда (130 и 131), вследствие чего Трубецкой с Казаками и не должны были помогать Нижегородцам. Не Казаки, а Нижегородцы играли в смуту, не захотев стать в казацких таборах, оставаясь в бездействии, когда Казаки храбро работали (133). Пожарский является настолько простоватым, что для пополнения своего разума необходимо должен был взять с собою, идя в Москву, старца Авраамия (123-124, 126, 179), как дальновидного политика.» 24)

О ничтожном значении Нижегородцев говорит и проф. Ключевский.

«Но скоро стало видно, что без поддержки Казаков **ничего не сделать**, и в три месяца стоянки под Москвою **без них** ничего важного не было сделано.» 25)

23) Забелин. М. и Пожар., 88.

24) Забелин. М. и П., 292.

25) Ключ. III, 74.

«Старец (Палицын) не помедлил и скоро пошел (по приглашению Мигина и Пожарского) в полки, где увидел Пожарского и Козьму и многих дворян плачущихся и сказавших, что **без Казаков бороться с врагами не могут**; и умолиша старца, чтобы шел в казачьи станы молить и просить, чтобы шли Казаки скоро и немедленно против врага.»

Единственный «смелый» 26) натиск Минина «приободрил дворян-ополченцев, которые вынудили гетмана Ходкевича к отступлению, уже **подготовленному Казаками**», как поясняет проф. Ключевский.

И это был весь тот актив, которым могло похвастаться дворянское ополчение. Однако, и эту победу над гетм. Ходкевичем и Палицын приписывает Казакам, упоминая, что они дрались даже совсем голые.

«Казацкие же атаманы», утверждает проф. Ключевский, «а не московские воеводы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда.» 27)

И отбитие гетм. Ходкевича от Китайгорода, и короля Сигизмунда от Волоколамска, и взятие приступом Китай-города (13. 10. 1612) — все это было совершено Казаками, а эти факты в борьбе Москвы с Польшей являются **краеугольными** и исключительной важности, ибо от них зависел дальнейший исход борьбы между Москвой и Польшей и именно эти действия Казаков нанесли Полякам сокрушающий удар, после чего борьба с Польшей прекратилась.

**

Очищением отечества от внешнего врага, устройство государства еще не кончалось, необходимо было завершить это устройство избранием царя на московский трон ввиду пресечения династии.

На созванном Земском соборе не было единодушия, и личные интересы довлели над государственными; обнаружались боярские интриги и партийности, ибо «кийждо бо хотяше по своей мысли деяти». А таких мыслей на Земском соборе обнаружилось три, и Собор раскалывался: оставшаяся партия после смерти Скопина-Шуйского и Новгородцы выдвигали на московский трон шведского королевича Карла-Филиппа; митр. Филарет и большинство бояр — польского королевича Владислава и, наконец, Нижегородское ополчение и кн. Пожарский — немецкого принца Максимилиана.

26) С четырьмя **отборными** ротами, из которых одна была рота Хмелевского, находившаяся на службе, а не московская, и это только против двух польских рот.

27) Ключевский, III, 74.

Трудно допустить, чтобы эти разногласия кончились бы благополучно: каждая из партий при проведении своего кандидата, естественно, рассчитывала на «великие и богатые милости», партии же противные остались бы за бортом и подверглись бы обычным на Москве гонениям, что каждая из партий знала, поэтому политические страсти на Земском соборе легко могли разыграться и повести к новой войне, но уже войне междоусобной, много худшей, чем война с иноземным врагом.

И в этом случае опять таки Казаки же сыграли свою решающую роль.

На Земском Соборе шли страстные споры о кандидатах-иностранцах. В разгаре этих пререканий на Соборе неожиданно появилась красочно одетая фигура Донского атамана Межакова; решительной поступью он подошел к столу, за которым председательствовал кн. Пожарский, и положил на стол лист исписанной бумаги.

Наступила мертвая тишина;; взоры всех устремлены на атамана; одни рассматривали его с любопытством, другие со скрывтым беспокойством.

«Атамане, какое вы писание предложили?» — с некоторой тревогой спрашивает его кн. Пожарский.

Не отвечая, Межаков легким привычным движением рук снимает свою саблю и резким жестом кладет ее на «письме».

«О природном царе Михаиле Федоровиче».

Ни возгласов, ни протестов, все споры смолкли.

«И прочтение писание атаманское, и бысть у всех **согласен и единомыслен совет**», эпически повествует летописец, и потом «избраша в путное шествие князь (пробел) и атаманства **великого** войска и всяких чинов ратных людей, приидоша в Кострому». 28)

Здесь обращает на себя внимание отсутствие князя, которым думали возглавить шествие, в действительности же во главе его стояло «атаманство великого войска», а потом уже «всякие чины ратных людей», что опять таки подчеркивает преимущественную роль Казаков в установлении на Москве династии Романовых.

В этом проведении своего кандидата в московские цари, «природного царя», сказался предусмотрительный казачий шаг: избран был бы несомненно польский королевич Владислав, которому некоторые бояре присягнули и уже кланчили перед ним о награждении их «деревнишками и людишками», Казакам же известен был их предварительный договор с Владиславом: «На Волге, на Дону, на Яике и на Тереке Казаки будет надобе или не-

28) Хронограф кн. Оболенского, цит. Забел., М. и П., 299.

надобе, о том Государю Королевичу говорити з бояры и з думными людьми, как будет на Государстве». 29)

Историю проведения Казаками на московский трон Романовых Поляки знали очень хорошо или вернее не замалчивали руководящей роли Казаков, и не даром же они, Поляки, звали Михаила Федоровича «казацким царем». Об этом наименовании великорусские историки всемерно умалчивают.

В определение того, какое важное значение имели Казаки в Смутное время, можно видеть из того факта, что кн. Пожарский, давший разрядам два «случая» (в пирушке не там сажали за столом), вынужден был пойти на компромисс с Казаками, вопреки своей гордыни — «отнюдь... не стаивать» — должен был совместно с ними действовать, что Казаки предлагали дворянскому ополчению с первого же дня его прихода к Москве и, что самое главное, в грамотах, исходивших от второго триумvirата, стоять **натретьем** месте после казачьих атаманов кн. Трубецкого и Заруцкого, хотя этот последний и не был князем, стоять на третьем месте Пожарский, так же как и Ляпунов, ни под каким видом не допустил бы и непременно потребовал бы себе первого места, если бы имел к тому хотя бы малейшую возможность.

По тогдашним московским условиям, крайне развитое, доходящее до абсурда, местничество, 30) не есть мелочь, а большое унижение, даже оскорбление для чванливых князей и бояр, и если Пожарский тем не менее пошел в триумvirат на третье место, да еще после Казака, то это непрерываемо свидетельствует о признании самой дворянской ратью своей неспособности и своего бессилия освободить и спасти отечество, заключение, выведенное ею же самою из трехмесячной бесплодной стоянки под Москвою.

Нам все время внушали, что спасение Московского царства произошло от самих русских людей. Однако своею волею и своею силою, хотя и большой по числу населения, великий русский народ освободиться от иноземцев не мог ввиду потери им чувства свободы, а, след., и чувства подлинного патриотизма — **двести** пятьдесят лет татарского ига отложили слишком глубокий след в психике Москвитин.

Дворянское ополчение могло выставить со всего государства 4000 человек и притом к бою неспособных, Казаков же было 15 - 20 тысяч.

Чтобы точнее понять и оценить эту исключительную роль и значение Казаков в эту смуту, для этого надо выключить казачий элемент из цепи всех событий и посмотреть, как протекали

29) СГГД, II, 395 и 404.

30) Залезание на пирушке под стол в виде протеста, если посадят не на том месте.

бы события за освобождение отечества и что стало бы с Московским государством, если бы Казаки не участвовали бы в этом освобождении, и тогда только ясно подчеркнется величие значения их дела для освобождения Московского царства.

На всех нынешних спорах о значении Казаков в Смутное Время лежит налет обычной великоросской шовинистической раздраженности против Казаков, раздраженности, обуславливающейся неприятным сознанием ушибленного самолюбия их, несумевших без Казаков спасти своего отечества и Казакам же обязаны возведением на московский трон русской династии Романовых.

Отсюда и все нынешние нападки на Казаков, стремление больше унижить их самих, чтобы тем самым свести их значение на нет, представляя Казаков, как элемент вредный, не только не содействовавший спасению государства, а наоборот, углублявший смуту. 31) а все преодоление ее приписать только самим себе и закрепить это впоследствии для вящей доказательности своей роли в этом деле постановкой памятника только Минину и Пожарскому без какого либо намека о Казаках, закрепили драмой «Минин и Пожарский», картинами на эту же тему, оперой «Жизнь за царя» (теперь «Иван Сусанин», совершенно мифическая личность) и прочими торжествами, тогда как Казаки, как всегда, остались в тени.

Для более спокойного и беспристрастного освещения дела спасения Казаками Московского государства и возведения ими же династии Романовых, а также и для очищения их от выпадов в виде Соловьевских и особенно Забелинских, следует обратиться по вопросу значения и роли Казаков в Смуту к мнению **правительственных** лиц той эпохи, мнению, высказанному уже после избрания царя и по некотором, относительно успокоении в государстве.

Была написана грамота от имени новоизбранного царя, юноши еще, Михаила Федоровича к донским Казакам от 18 марта 1614 г., но содержание этой грамоты, как видно, не удовлетворило атамана Игната Бедрищева, а также и правящих кругов, близко знавших дело и ясно ощущавших заслуги Казаков.

В конце этой грамоты есть «помета», которая является как бы директивой для написания другой грамоты.

Помета эта такова.

«Написать другая (иную. И. Б.) грамота к ним же, а выписать их служба, как (они) товарищи их стояли под Москвою, там кровь проливали, и их кровью очистилось, и Божией милостью,

21) Забелин. Минь и Пожар, 212.

а их службою, опять государство **взыскалось**, а государь **учинился**». 32)

В этой директиве, точной и ясной по смыслу, невызывающей никаких кривотолков, прямо говорится, что их, **казацъей**, кровью очистилось государство и что «опять государство **взыскалось** и государь **учинился**» «Божией милостию», а их, опять таки **казацъей**, службой.

Монархи династии Романовых в своих титулах ссылались лишь на «Божю милость», в действительности же им следовало бы ссылаться еще и на «казацью волю» и манифесты свои они должны бы начинать словами: «Божиею милостию и казацъей волей, Мы (имярек) Император Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и пр., и пр., и пр.».

И это есть так.

**

После Смуты Москва вышла крайне ослабленной.

Крымский хан продолжал считать ее своей данницей; кроме того, между Крымом и Москвой существовали постоянные недоразумения и относительно территории; эти два обстоятельства были, собственно, главной причиной татарских набегов на Московское царство.

Татары утверждали, что кроме Астрахани и Казани (древнее владение восточных Татар) вся страна от их границ, на север и запад до города Москвы, не выключая и самой Москвы, принадлежит им, Татарам. Такое показание, по словам Флечера, 33) кажется справедливым, судя по словам самих же Русских.

До 1500 г., когда посол Московского вел. князя представлялся великому хану Крымскому, то посол должен был перед тем становиться на колени.

В наказе послу своему Кутузову, отправлявшемуся в 1500 г. в Крым, Иван 3-й так пишет: «Первое, пришед, поклон правити стоя, а на колени не садитися». 24)

Так как хан Золотой орды вел войну и против Крыма, как и против Москвы, отделившегося от Золотой орды, то эта общая защита от него ходом событий должна была несколько сблизить Крым и Москву.

Москва этим обстоятельством воспользовалась и стала ходатайствовать перед ханом о смягчении этого довольно унижительного церемониала и в 1500 г. Иван 3-й добился отмены этого коленопреклонения, хотя Василий 3-й, сын Ивана 3-го, продолжал еще в Москве на площади из своей шапки кормить овсом ханского коня, как утверждает это Флечер.

32) ДД, I, 69.

33) Флечер, 65.

34) СРИО, т. 95, с. 293.

Иван 4-й вознамерился освободиться от дани, но Крымский хан в 1571 г. с 200-тысячным войском пошел на Москву. Иван 4-й собрал свои войска и вышел Крымскому хану навстречу, но, как тогда смеялись, «сбился с дороги», и хан беспрепятственно дошел до Москвы и сжег ее. 35)

«Крымские историки», пишет Смирнов, «категорически указывают на те уступки, которые сделал Иван 4-й Девлет-Гирею, «изменяя нашей государственной чести и пользе», по выражению нашего историка-патриота (Карамзина), и на которые лишь **глухо** намекается в русских источниках. Эти уступки состояли в обязательстве Ивана 4-го уплаты ежегодной и в определенный срок доставляемой дани Крымскому хану и татарскому вельможеству, как чистыми деньгами, так и вещественными подарками». 36)

Не даром же в эту эпоху Москва стала обращаться к Донецким и Донским Казакам, посылая к ним свои миссии.

В 1684 г. перед походом Москвы, под начальством кн. Голицына, на Крым хан требовал с нее внесения ему 200.000 рублей, представлявших собою невыплаченную дань за прошлые годы.

При таких обостренных политических обстоятельствах Москве требовалась защита границ, чего она как по своей слабости, так и по своей небоеспособности сама делать не могла, поэтому она нуждалась в союзнике, находящемся между нею самою и ее южными врагами, союзнике, который препятствовал бы набегам на нее; это и принуждало Москву обращаться за помощью к донским Казакам.

Мы не будем повторять всех постоянных и настойчивых просьб Московских царей о военной им помощи со стороны донских Казаков, просьб, выражавшихся почти в каждой грамоте, а иногда упоминавшихся по два и по три раза в одной и той же грамоте о помощи, без которой Москва ни в коем случае обойтись не могла; все они ясно показывают насколько важен был Москве этот союз ее с донскими Казаками.

«На Казыевских Татар и на всяких воинских людей, которые учнут ходить на наши украинны войною, ходили, а на речках их, и на перелазах, и по притинным местам над ними промышляли, и поиск чинили, и на Русь, в нашу землю, войною их не пропускали», 37) пишет в 1633 г. Московский царь на Дон.

Москва, собственно, и сама пыталась было посылать свои войска против Татар.

В том же 1633 году, напр., ею были посланы свои войска под

35) Флечер, 64.

36) Смирнов. Крымское ханство..., 427.

37) Лиш. № 8, 1633.

Казыев улус под командой кн. Туренина и кн. Волконского, но дела не шли. Тогда Московский князь вынужден был обратиться на Дон с грамотой, чтобы Казаки «шли на нашу службу на Казыев улус к стольникам нашим и воеводам». 38)

И под этой казачьей защитой Москва находилась более века.

Этот более чем вековой период времени внешне не является таким ярким и блистательным, как покорение Сибири, как бессмертное Азовское Сидение, он представлял собою боевую повседневность и этой боевой повседневностью Казаки оказали Москве неоценимые услуги: отражение беспрестанных и разорительных набегов Крымцев, Азовцев, Ногаев, Турок. Насколько эти набег были сильны и утомительны видно из того, что даже сами донские Казаки, привыкшие к этой непрерывной боевой жизни, писали однажды Московскому царю, чтобы он принял от них все запасы и что от службы они отказываются.

Донские Казаки служили для Москвы действительным барьером, за которым Москва усердно «колонизировала».

38) Там же.

АЗОВСКОЕ СИДЕНЬЕ.

О бессмертном Азовском Сиденьи писалось не мало; только не писалось и не обсуждалось о самом главном, именно, о том, какое значение для судеб Московского царства имел бы тот факт, если бы донские Казаки, не выдержав осады или соблазнившись большими материальными выгодами, которые предлагали им Турки, сдали бы его им?

Для большей ясности силы и значения Азовского Сиденья для судеб Московского царства, надо вспомнить постоянное стремление Турции к овладению Казанским и Астраханским царством, а также вспомнить и политическую обстановку того времени.

По словам проф. Ключевского положение было таково.

Когда московские послы были в Константинополе и заявили Турецкому султану протест против жестокостей Турок в отношении христиан, Сербов и Болгар, то им там на это ответили, что недавно приходили сюда послы от казанских и астраханских Татар и Башкир, которые просили султана освободить их от **христианского** ига и принять в свое подданство царства Казанское и Астраханское; они жаловались ему на то, что московские люди ненавидят их бусурманскую веру, многих из них бьют до смерти и разоряют беспрестанно. 1)

Турецкий султан, империя которого в то время была в полном расцвете своего могущества, внял их мольбе, он снарядил огромную по тем временам армию, снабженную всеми тогдашними новейшими изобретениями и отправил ее на освобождение Татар и Башкир.

Силы турецкой армии исчислялись различно: донские Казаки, руководствовавшиеся найденными после снятия осады раздаточными списками, определяли ее в 240 тысяч; наблюдатель-путешественник Евлии, бывший при этой армии — в 200 тысяч, московский посол Лыков, находившийся в то время в Константинополе и отрекшийся от Казаков — в 150 тысяч; Броневский

1) Ключ., III, 137.

же, руководствовавшийся приказом унижать донских Казаков, пишет, что «войска боевого считалось более ста тысяч (...), число бусурманов, очевидно, преувеличено, а Казаков уменьшено». 2)

Спрашивается, неужели только для обратного взятия Азова, собственно небольшой крепости, потребовалась такая огромная армия?

Ясно, что нет; эта огромная армия была послана не для взятия Азова, который только лежал на пути и лишь препятствовал ей в ее свободном продвижении, а послана она была для освобождения царств Астраханского и Казанского от московского ига, о чем, как сказано, просили Турецкого султана сами же Татары и Башкиры.

Эти царства, как говорит Флечер, были древним владением Восточных Татар, и к освобождению или завоеванию их Турция стремилась давно. В 1569 г. она пыталась было прорыть канал между Доном и Волгой, чтобы связать Цареград и Астрахань прямым водным путем.

Взяв Азов, Турция вне всякого сомнения овладела бы Казанским и Астраханским царствами, что ей было бы сделать легко, потому что народы этих царств, Татары и Башкиры, были крайне раздражены действиями Московитинов и вне всякого сомнения оказали бы турецкой армии всемерное содействие, открыто став на ее сторону против Москвы.

Не имея на юге пропятствия со стороны донских Казаков, чего Москва всегда боялась, Турецкая армия располагала бы на своем правом фланге всею Волгою с Татарами, Башкирами, боевые качества которых много превосходили боевые качества Москвитинов, и ей, Турецкой армии, был бы открыт прямой путь на самую Москву; Москва же, будучи весьма истощенной двумя предшествовавшими перед тем войнами, со Шведами и Поляками, была бы не в состоянии противодействовать Турецкой армии, подкрепленной к тому же раздраженными Татарами и Башкирами.

Это свое бессилие Москва сама отлично сознавала и боялась войны с Турцией; этот страх ее виден из того факта, что Москва отказалась принять передаваемый ей донскими Казаками Азов, уже находившийся в их руках. Московский царь отказался от него, лишь выторговав себе за уступку Азова Турции только согласие турецкого султана, чтобы он в своих грамотах именовал Московского царя «падишахом», т. е. признать его равным себе.

Так славное, бессмертное Азовское Сиденье было променяно на московитские династические интересы.

Sic transit gloria mundi.

2) Бронев., 129.

Падение гор. Азова повлекло бы за собою тяжкия последствия для Москвы.

Первым и самым непосредственным последствием было бы несомненная потеря Москвою Казанского и Астраханского царств, удержанных за Москвою донскими Казаками, т. е. огромной территории от Астрахани и до Казани и далее на север, ибо из-за них то Турция и поход начала.

(Надо заметить и особенную важность донских Казаков в деле укрепления за Москвой этих же царств.)

Котошихин, оказавшись за границей, только в этих свободных условиях и мог написать свою книгу, иначе об этом мы ничего и не узнали бы. В ней он прямо подтверждает роль донских Казаков в этом деле: «и только б не они, донские Казаки, (то) **не укрепились бы и не были б** в подданстве за Московским царем Казанское и Астраханское царствы, з городами и з землями, во владительстве». 3)

Остановилась ли бы Турция только на отторжении от Москвы этих двух царств?

Здесь возможны, разумеется, только предположения.

Но если принять во внимание, что Турция была могущественна, Москва же весьма ослаблена, что Турция знала, то против искушения захватить и самую Москву с ее соблазнительными несметными сокорищами, образовавшимися из грабежей Великого Новгорода, Пскова и тех же Казанского и Астраханского царств, то Турецкий султан едва ли удержался бы от этого соблазна, и Московское царство и гор. Москву могла бы постигнуть та же участь, что и другие государства.

Вместе с этим дело коснулось бы и самой религии, так как Ислам того времени был воинствующим и методы распространения его были уже отличны от прежнего взгляда Татар на свободу религии. христианство же Великоросами распространялось всегда жестоко.

Ключевский, напр., пишет, что «сохранилось даже предание, записанное в XVII в., что часть языческого (...) населения Ростовской земли, убегая от **русского** 4) крещения, выселилась в пределы Болгарского царства». 5)

Кроме того, об отрицательном отношении Татар к Русским свидетельствует и Флечер.

«Эти свойства (неверность в слове)», говорит он, «делают их (Русских) презренными в глазах всех соседей, особенно Татар, которые считают себя гораздо честнее и справедливее **Русских**.

3) Котошихин, 111.

4) Подчеркнуто Ключевским.

5) Ключевский, I, 366.

Те, которые внимательно обсуждали состояние обоих народов, полагают, что ненависть к образу правления и поступкам Русских была до сих пор главною причиною язычества Татар и их отвращения от христианской веры». 6)

Вот эта то жестокость в отношении мусульман вызвала бы с их стороны контр-меры.

При таких условиях московитинскому христианству нечего было бы ждать чего либо доброго.

Кроме того, отторгнув Казанское и Астраханское царства, Турция тем самым стала бы между Москвией и Сибирью, где против московитинского ига местное население также было уже в сильной степени раздражено как взиманием Московским государем непосильного ясака, спаиванием водкой из царских кабаков, а также и воеводским управлением, так что и Сибирь, в которой мусульманское влияние было сильно, также отложились бы от Москвы.

Это значение бессмертного Азовского Сиденья для судеб Московии великоросскими историками обычно замалчивается, а оно должно бы быть «русским национальным праздником», имеющим несравненно большее значение, чем Полтавская битва или Бородинское сражение.

Если в наших школах учат о Фермопильских ущельях и прославляют Греков за их мужество, то почему же не учат в этих же школах о мужестве донских Казаков и Казачек и не прославляют их, как прославляют Греков?

Очень просто: осаду под Азовом выдержали Казаки, а не Великоросы.

6) Флечер, 113.

ВЗЯТИЕ СМОЛЕНСКА

Борьба Москвы за взятие Смоленска в 1665 г. была тяжелой и трудной.

Под Смоленском в осаде и взятии города принимали участие и донские Казаки: 29 атаманов, 40 есаулов и 2503 казака, стрельцов же числилось 1000 чел. и 35 пушкарей, 1) не считая рядового воинства.

Могла ли Москва взять Смоленск без помощи донских Казаков?

Этот вопрос с первого взгляда может показаться совсем странным.

Казачью помощь в осаде самого Смоленска надо считать весьма существенной, особенно если принять во внимание высокие боевые качества Казаков и малоспособность Московских войск к осаде городов, о которой говорят и Флечер, и Пуффендорф, и Посошков и др.

Участие донских Казаков под самим Смоленском не было решающим, но решающее влияние на судьбу взятия Смоленска донские Казаки оказали на другом фронте,

У Польского короля был договор с Крымским ханом, в силу которого хан обязался прийти на помощь королю в случае нападения кого либо на Польшу.

Когда Москва приступила к осаде Смоленска, то Крымский хан стал готовиться идти на помощь Польше, но в то время донские Казаки, «войска морская», в количестве 2.000 чел. сделали десант «в Судочке (Судак), город меж Кафы и Булыклы».

Атака на Крым была чрезвычайно решительной и сделана была с такою силою, что «тому-де Крымские люди дивятся, как-де наперед сего донские Казаки хаживали на море, и они-де только полон имали, а ныне-де везде людей побивают, и села и деревни жгут». 2)

1) Временник Моск. Об-ва Истории и Древ-ей, II, 3, 5.

2) ДД V, 26; 1655.

Продержались они на море с 6 июля по 14 сентября, когда уже начались переговоры о сдаче Смоленска. 3) Своими нападениями не только на самый Крым, но и на Тамань и другие места, донские Казаки заставили Крымского хана остаться на месте, вследствие чего он не мог оказать Польскому королю никакой помощи.

Эту чрезвычайно важную помощь и ее значение признала сама Москва, когда царь ее писал Донскому Войску, что оно «многую помешку в том его (Крымского хана) подъеме учинило». 4)

Если бы Крымский хан мог подняться на помощь Польше против Москвы, при условии воздержания Дона от похода против Крыма, то последствия осады Смоленска были бы иными: удар Крымского хана по тылам Московского царства заставил бы московские войска разбежаться по домам, что вынудило бы Московского царя снять осаду Смоленска, ибо резервов, чтобы выставить их для отражения Крымского хана, у него не было, а непошедшие под Смоленск бояре сформировать их не могли, так как они, по насмешливому выражению боярина Шеина, ведшего осаду Смоленска, предпочитали у себя дома «сидеть по запечью».

В марте 1672 г. Московский царь, опасаясь нападения на него Крымского хана, просит Донского атамана, чтоб ему «на море по прежнему в стругах выходить и в которых местах мощно, разорение чинить, чтоб такими вас, Донского Войска, промыслы Хан конечно войска свои от войны отставил». 5)

Как важно было для Москвы наступление Дона на Крым во время осады ею Смоленска видно и из того, что в 1685 г., когда у Польши предполагалась война с Крымом, то Польский король, по опыту зная о силе и значении Донского Войска, послал на Дон донского Казака Осенеева сына с товарищи с королевскими «листами» (грамотой короля), чтобы Дон наступал на Крымского хана.

И это предложение Доном было принято, что надо рассматривать, как союз его с Польским королем для войны против Крыма.

«А ведая у него, короля, войну с неприятели, Войском с Азовом розмирились и ходили конницею в походы и мужиков брали, также и судами на море ходили тысячи с четыре и воинский промысл чинили, и суды брали, и на улусы били, и деревни разоряли и всякую помешку их войне с Польским королем чинили»...

3) Смоленск был сдан 29 сентября.

4) ДД, V, 47-48.

5) Лиш., 80.

«Да и ныне судами на Азовское море для поиску над неприятели и для помешки его ж королевским наприятельским людем и воинскому их промыслу для **остановки** идете ж.» 6)

Но об этой помощи, об этом решающем влиянии на исход осады Смоленска в русской истории нигде не упоминается, несмотря на признание этого факта самим Московским царем: «многую помешку в том его подьеме учинили».

*•

Мы совершенно недостаточно изучили свою военную историю.

Россия вела многие войны, и во всех этих войнах Казаки принимали участие и притом в гораздо большем процентном отношении своего населения, чем какой либо другой народ б. Российской Империи. И в этих войнах Казаки всегда стояли на первом месте. А. В. Суворов хорошо их знал. «Казаки — это глаза и уши армии», так он их охарактеризовал. Песни о Краснощекове пелись до революции.

А. А. Гордеев приводит интересную справку об участии Казаков во время войны 1853-1855 гг. Он между прочим приводит такой случай. На Кавказ назначен был главнокомандующим ген. Муравьев. По ходу военных событий надо было взять г. Карс. Ген. Бакланов, служивший в это время на Кавказе, настойчиво советовал Муравьеву приступить к осаде Карса немедленно, так как город не был укреплен. Муравьев обрезал Бакланова: «яйца курицу не учат».

Пока Муравьев раздумывал, Турки основательно укрепили Карс. И когда Муравьев атаковал его, то атака была отбита с большими кровавыми потерями. Тогда Муравьев обратился к Бакланову. Прекрасно организованная Казаками блокада Карса дала свои результаты — через месяц хорошо укрепленный Карс сдался без пролития единой капли крови.

Но этот факт ценнейшим образом отразился на другом фронте — на дипломатическом: при мирных переговорах союзники не хотели оставлять Севастополь в русских руках, и только обратная уступка Туркам гор. Карса сохранила Севастополь в русских руках.

6) Лиш., 132, 1685. Грамота Ивана и Петра к Дон. ат. Фр. Миняеву.

ВОЙНА 1812 ГОДА.

В войне 1812 года по **напряжению** своих сил Казаки приняли несравненно большее участие, чем сами Великоросы; эти выставили 300 тысяч человек со **всей** страны (112 тыс. участвовало в Бородинском сражении), тогда как донские Казаки прислали 41 тыс., не считая гвардии и артиллерии, всего же они дали 45 тысяч только с одной, так сказать, губернии.

В решительный момент столкновения русской и французской армии при Бородинском сражении Казаки **спасли** русскую армию от окончательного ее разгрома.

В первый день битвы, 24 августа, Наполеон бросился на левый фланг русской армии и разрушил его; 25 августа прошло в перегруппировке сил; 26 августа он ударил на центр, где была сосредоточена вся русская артиллерия и снаряды, и всю ее уничтожил, вследствие чего русская армия осталась и без артиллерии, и без снарядов, т. е. безоружной.

При таком положении дел Наполеон по военным правилам, которые ему, как никому другому, были отлично известны, должен был бы отдать приказ о неотступном преследовании разбитого неприятеля, к чему он имел полную возможность, так как он шел со свежей и одушевленной армией, привыкшей к войне и победам.

Однако, вместо этого приказа о преследовании он 26 августа вечером отдает совершенно непонятный приказ, ни в какой мере невяжущийся с обстановкой — **отвести** свои войска в **тыл**, и этим счастливым моментом воспользовались слабые остатки разбитой русской армии; они имели возможность, слегка перестроившись, **оторваться** от французской армии.

В учебнике «Истории СССР», предназначенном для советской молодежи, будущим гражданам, чтобы ознакомить ее с прошлым государства, о донских Казаках говорится, что они выставили в войну 1812 г. только 7.000 человек и дали еще 150 чел. партизан, больше о них ничего не сказано.

В тексте учебника перечислены все герои этой войны, принимавшие в ней участие: Кутузов, Барклай, Багратион, Денис Давыдов, Дохтуров, Раевский, Фигнер; забыты и даже представлены в учебнике картинки, как Сеславин привел после преследования «живого француза»; представлена и старостиха Василиса Кожина верхом на лошади, также и крестьянин Курин. 1)

Но Платову, казачьему вождю, прославившемуся на весь мир, места в учеб. Истории СССР, т. е. б. Российской империи, не оказалось, как будто бы он в эту войну и участия никакого не принимал, и вообще его как бы и в природе никогда не существовало.

А между тем Казаки под его командой взяли как будто немножко больше, чем Сеславин.

За кампанию 1812 г. трофеи Казаков были таковы: взято Казаками в плен 10 генералов, более 1.000 офицеров, 70.000 солдат, 546 пушек, 2) 30 знамен и более 60 пудов серебра, вывезенного из Москвы; серебро это было пожертвовано Казаками Казанскому собору в Петербурге и 10-11 пуд. лично Платовым пожертвовано Донскому монастырю в Москве.

И такому имени в учеб. Истории СССР не хватило места,

Что означает это странное умолчание о казачьем герое Платове?

Никогда и ничего авторы учебника не слыхали о нем?

Или это означает отсутствие у них всякой исторической стыдливости?

Или, быть может, это просто «заказ»? Но тогда почему и для чего заказ этот дан?

При описании Бородинского сражения в учебнике приложен план битвы. Ставка Наполеона находилась на его левом фланге; к этой ставке на плане показана стрела в две линии, как бы рельсы; стрела ударила на ставку Наполеона и отошла, а на этих рельсах написано: «Казаки Платова, Уварова».

Только в этом месте, так сказать, на задворках, и можно найти имя героя Платова.

Вот эта неожиданная и совершенная с необычайною смелостью и силой атака донских Казаков на ставку Наполеона и вынудила его отвести свои войска в тыл, и тем самым русская армия была спасена, так как она не имела уже ни резерв, ни пушек, ни снарядов.

1) Учебн. Ист. СССР, II, 105. Недавно вышла в Москве иллюстрированная брошюра «Герои Войны 1812 г.», где помещены портреты генералов. Платова там тоже нет.

2) Граф Бенкендорф упоминает несколько иные цифры: 90.000 пленных и, как минимум, 300 пушек.

Это сокрытие от будущих граждан этого подвига Казаков лучше всего подтверждает нынешнее и всегдашнее казакофобское настроение Великоросов, ибо признание этого спасения русской армии от ее окончательного разгрома было бы им не к лицу.

Автор совсем не имеет никакого намерения ни уменьшать героизма русской армии, ни ее самопожертвования, но он ищет только простой справедливости в отношении Казаков, выставивших, как сказано, до 45 тысяч бойцов, а не 7 тыс., как говорит учебник Истории СССР, и из этих 45 тыс. только 12 тыс. вернулось обратно к себе на Дон, а 33 тыс. остались на поле брани.

«Когда изучают кампанию от 1812 до 1814 г.», пишет гр. Бенкендорф, «то беспристрастная справедливость заставляет признать, что непрерывные услуги, оказанные Казаками, много превосходят то, что могли ждать от них. Вследствие трехлетних сражений и злоупотреблений, о которых было уже отмечено, самое большое двенадцать тысяч из этих воинов увидело свою родину; это были остатки от 82 полков». 3)

Потери, в процентном отношении, по истине колоссальны. А ведь жертвенность и степень учатия народа в борьбе определяется не числом, а именно **степенью напряженности сил и средств**.

И это высшей властью было отмечено. Вот выдержка из письма Александра I (8. 1. 1813, Лик,) к гр. Платову:

Граф Матвей Иванович!

«(...) Вы собственным Вашим лицом и вообще все Донское воинство много участвуете в славе истребления врагов и в спасении от них отечества. Заслуги Ваши и подвиги подначальственных Вам казачьих войск пребудут незабвенны. Имя их сделалось страшно неприятелю.

Александр.»

А вот выдержка из письма гр. Барклай де Толли к Платову же:

«(...) Так, Милостивый Государь мой, в сие достопамятное время не было ни одного случая, где бы герои Донские не блеснули и подвигами военными, и подвигами патриотическими; не было битвы, где бы они не восторжествовали; не было трудов, которых бы не преодолели; не было нужд, коих бы они не перенесли (...), но почитая собственно для меня лестным в память потомства, что я имел честь быть свидетелем достославной службы их на пользу своего и чужих народов.

Брюксель, 24. 6. 1814.

Граф Барклай де Толли.»

3) Бенкендорф. Des Cosaques..., 61.

И самый факт дачи высшей награды за Отечественную войну 1812 года только двум лицам — Великоросу Кутузову титул князя, а Казаку Платову титул графа — служат наилучшей оценкой верховной властью деятельности и того, и другого, проходившей у нее на глазах.

Любопытно отметить и то, что охрана личности Российского суверена доверена никому другому, в том числе и не самим Великоросам, а только донским Казакам.

Какое влияние оказали донские Казаки в дальнейшем разрушении Наполеоновской армии можно видеть из слов переводчика на французский язык докладной записки гр. Бенкендорфа на имя Александра I, изданной на французском языке в виде брошюры под названием «Des Cosaques et de leurs utilité à la guerre».

«Пытались, говорит переводчик в своем предисловии, внушить презрение к Казакам, но тем не менее принуждены были признать, что Казаки **мощно** содействовали разрушению самой грозной и самой опытной в войне армии. Достаточно только прочитать военные сводки за 1812, 1813 и 1814 года, чтобы убедиться в этом, даже не считаясь с тем, что сводки эти часть правды **замалчивали**». 4)

Разрушение Наполеоновской армии производилось главным образом Казаками, так как русская армия шла только по ее флангам, мало с ней сталкиваясь, переправа же французской армии через Березину лишний раз подтвердила Пуффендорфовское мнение у русских военонаачальниках, токорые «в деле воинском непрятелей искуснейших быти чают». 5)

По словам французского генерала Морана, подтвержденным и самим Наполеоном I, «Казаки для защиты России сделали больше, чем вся ее армия».

Великоросы из ложного самолюбия никак не хотят признавать этого спасения донскими Казаками русской армии, а вместе с тем не хотят учитывать и тех последствий, которые вызвали

4) Переводчик - француз все же сумел подняться выше ущемленного своего национального самолюбия, не обрушился бранью на Казаков и откровенно признал большое значение Казаков в войну 1812 г., так же как и гр. Бенкендорф, немец, тоже вступился в защиту Казаков: «Я всегда испытывал желание», пишет он в своей докладной записке, поданной им Александру I в 1816 г. «отдать Казакам справедливость, которую это **неопенимое** войско заслуживает в столь многих отношениях».

Великоросское же офицерство, по словам того же гр. Бенкендорфа, распространяло («не краснея») про Казаков, что они способны только к грабежу и к преследованию неприятеля и что они даже рождены без храбрости (с. 1, 2). Гр. Бенкендорф этих офицеров презрительно обзывает «декламаторами».

5) Пуффендорф, 838. Которые «в воинском деле воображают себя выше искуснейших неприятелей».

бы окончательный ее разгром Наполеоном со всеми проистекающими отсюда тягчайшими последствиями.

**

Для того, чтобы оценить силу и значение того или иного факта, как уже говорилось, в ряде других фактов, влияющих на протекание больших и сложных событий, для этого его надо исключить из этого состава:

Как протекало бы существование, укрепление и расширение Московского царства без существования Казаков на Дону с его верха до его низа, а также на Волге, на Яике, на Тереке?

Как протекало бы расширение Московского царства без завоевания Казаками Сибири?

Что случилось бы с Казанским и Астраханским царствами и даже с самой Москвой, не выдержи донские Казаки Азовского Сиденья и т. д.?

Из всего этого, разумеется, вовсе не следует, что Московского царства не существовало бы, но тем не менее вычеркните этот казачий элемент из Московской государственной жизни и представьте его самому себе, то, может быть, окажутся и правы те, которые утверждают, что «без Казаков не быть бы **России**», — т. е., той огромной страны, в которую входят и Сибирь, завоеванная Казаками, и Казанское и Астраханское царства, удержанные благодаря Казакам же и, наконец, сами же казачьи территории.

С. Т. РАЗИН, К. А. БУЛАВИН, Е. И. ПУГАЧЕВ.

Все эти выше изложенные события относятся к военной истории Казаков, но была история Казаков и политико-социальная: это движение Степана Разина, Кондратия Булавина и Емельяна Пугачева-Стеньки, Кондрашки и Емельки — по московитскому жаргону.

Движения Степана Разина и Емельяна Пугачева за освобождение от рабства великого русского народа — что они представляют собою — революцию или бунт?

Говорят, что неудавшаяся революция есть бунт, а удавшийся бунт есть революция. Это ошибка, основанная на непонимании существенных элементов, составляющих понятия революции и понятия бунта; их смешивают потому, что и революция и бунт, бурно порываются против установленного **фактического** положения вещей, тогда как **предметы** и **цели** их требований совершенно различны: в бунте — требования узкого, местного значения, беспорядок, ограниченный небольшим пространством и сравнительной малозначительностью требуемых изменений: бунтует полк против злоупотреблений своего командира; бунтует ряд сел, стесненных произволом помещика или местных властей: в революции же требования широкого, общегосударственного значения, резкое, неожиданное и сопряженное с некоторой жестокостью, требования изменений в **основных** законах самого государства.

Удавшийся бунт есть все же бунт: улучшили паек взбунтовавшихся солдат, сменили злоупотребляющее начальство — и бунт удался, но от этой удачи бунт все же не стал революцией.

Великоросская общественность, а также и многие великороссийские историки предпочитают видеть, в целях уменьшения значения, в этих могучих движениях Степана Разина и Емельяна Пугачева, когда уже задрожали основы государства и трона, предпочитают видеть только бунт, мятеж; другие же, находя, что это все таки не бунт, и в то же время не желая употреблять слова интервенция или революция, обозначают их **родовым** названием «**движение**».

Анализ предъявленных Разиным и Пугачевым требований, самый размер этих «движений» и участие в них разных народов ясно доказывают, что это были революции в настоящем смысле этого слова, требовавшие широких и глубоких государственных реформ, изменений в структуре самого государства, а не только перемени местного значения.

В тех же целях преуменьшения политической силы и значения этих движений, направленных против рабства, их намеренно хотят рассматривать только как движения социально-экономические, а не политические. Но такие требования Разина и Пугачева, как требование, чтобы «всяк всякому равен» был, как переустройство России по казацкому образцу, суть требования чисто политического характера, а не экономического.

В прежние, даже давнопрошедшие, времена лучше умели различать разные виды этих «движений». Так под 1227 годом в Ипатьевской летописи говорится: «начнем же сказати бесчисленные **рати**, и великие **труды**, и частые **войны**, и многие **крамолы**, и частые **восстания**, и многие **мятежи**...»

Подойти ближе к правильной оценке сущности и значения этих революций в значительной мере мешает то, что имена их, Разина, Булавина, Пугачева слишком загрязнены: кровожадные пьяницы, зверские грабители, убийцы, изверги рода человеческого и т. д.; кроме того, каждый год в неделю православия русская православная церковь торжественно на всю империю проклинала их и провозглашала имена их, как анафемские, 2) самые же движения эти злобно обзывают, как «разиновщина», «пугачевщина», «казатчина».

Тут невольно напрашиваются сравнения с действиями и поведением Петра I-го. Петр — царь, другое положение, с этим считаются и много прощают. Отнимите от него это положение царя, сделайте его рядовым человеком и сотворенные им дела покажутся ужасом.

Петр в своих реформах шел тоже революционным путем — бурно и жестоко, унизив свое царское достоинство до того, что сам выступал в роли рядового палача, чего не позволили себе рядовые Казаки — ни Степан Разин, ни Емельян Пугачев.

В существе, в природе этих революционных движений лежит коренная разница: Петр, производя свои реформы, направлял свою деятельность в пользу **государства**, подготавливая свой

1) Броневский по своему обыкновению не удержался от инсинуаций: «Разин оскорбился презрением к его **знаменитости** (подч. Брон.) и, утраченный готовую разразиться над ним грозой, решился **мстить** и кому же? Отцу Государю, всеми любимому». (Брон., 165) «Утомившись убийствами, но еще не насытись кровью, Разин сделал нужные распоряжения...» (169)

2) По требованию Донского Воскового Круга анафемства эти были прекращены.

империализм и империализм будущих поколений; для него человек был для государства и был простой вещью, тогда как Разин и Пугачев направляли свою деятельность в пользу человека и охраны его достоинства; для них государство было для человека.

Здесь сказываются два различных мировоззрения — Великороса и Казака.

Петр I-й сохранял рабство, след., материально он не затрагивал широкого рабовладельческого класса, тогда как Степан Разин и Емельян Пугачев били прямо по этому месту, что вызывало особую к ним злобу со стороны помещьичьего класса.

Если сравнить расправу, напр., в Арзамасе москвитинских войск с побежденными после преодоления вооруженной интервенции Степана Разина во внутренние московские дела, или в Каневе, когда Меншиковым было приказано вырезать все мужское поколение до грудных младенцев включительно, кроме знатных для предания их демонстративному суду, то сравнение послужит не в пользу Великоросов.

Злобно обвиняют Разина и Пугачева в их яко бы глумлении над верою и церковью, чего в действительности не было; глумился над этим Петр I-й и притом глумился организованно и продуманно, след., сознательно, т. е. так же, как это делали и коммунисты: всешутейший собор, знаменитый дикий, а теперь — Демьян Бедный.

Пугачев был опечален отказом священнослужителей поминать его супругу в церкви, но он не принуждал этого делать и самого духовенства за это не преследовал.

Монах-игумен Иосиф Волоцкий, для которого грешника и еретика руками убить или молитвою едино суть, трижды был канонизирован; Александр Невский привел Татар на своих во Христе-братьев, причислен к лику святых, но ни один из них не положил души своей за други своя.

Разин или Пугачев, оба Казаки, пламенные борцы за права человека и гражданина для великого русского народа в величайших мучениях и жесточайших пытках они отдали свою жизнь за освобождение от рабства трудящегося великоросского люда.

Причиной этих революций была основа казачьего мировоззрения — свобода и достоинство человека. Казаки не мирились с угнетением народа, а Великоросы сами по себе не могли сбросить этого рабства, все ждали «выкуп, выручки».

«Но угнетение и рабство так явны и так резки, что надобно удивляться, как дворянство и народ могли им подчиниться, имея еще некоторые средства, чтобы избежать их, или же от них освободиться (Флечер делает упреки и самому царю, исповедующему веру христианскую) (с. 32). Это безнадежное состояние вещей внутри государства заставляет народ большей частью желать

вторжения какой нибудь державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления» (33).

То же видим и теперь.

Имея контакт с Московским государством, а также слушая рассказы бежавших к ним, Казаки знали положение крестьян на Москве, а оно было ужасным. Флечер, напр., так пишет про это положение: «если бедный мужик встретится с кем либо из них (царь, его дворянин, главный чиновник и каждый военный) на большой дороге, то должен отвернуться, как бы не смея смотреть ему в лицо, и пасть ниц, ударяя головою оземь, так точного, как он преклоняется перед изображением своих святых». 3)

Юридическое и фактическое положение крестьян все время ухудшалось, пока он не стал равен просто вещи.

Кроме того Казаки ясно видели и то, что от боярщины, облепившей Московского царя, им вообще хорошего ждать нечего.

«Быть или не быть Казакам на государстве», слова сказаны Сигизмунду, отцу королевича Владислава при их переговорах с ним. Казаки несомненно знали и хорошо помнили, отсюда стремление Разина и Пугачева ввести на Руси режим казачий, покоящийся на формуле «всяк всякому равен» и на установлении казачьих форм самоуправления, чем имелось ввиду обеспечить от московских посягательств и свой режим на Дону.

**

В определении названий движений трех казачьих вождей Разина, Булавина и Пугачева есть существенная разница.

Движение Степана Разина может быть рассматриваемо как **вооруженная интервенция** во внутренние дела Московского государства, так же как и теперь мы видим вооруженные интервенции СССР во внутренние дела небольших соседних государств, как Болгария, Румыния, Польша и особенно Венгрия, которых московскими танками легко было раздавить без всякого для себя риска.

Как сам Разин, так и войско его и сам Дон были независимыми от Московского царя, а не были его подданными, поэтому термин «революция», а особенно «бунт», «мятеж», которые исходят от подданных, здесь неприменим, участие же крестьян в этой интервенции не обращает ее в революцию, так как они только **примкнули** к интервенции, а не возбудили ее.

Основные политические требования Степана Разина, которые он нес с собою на Москву, довольно известны.

Эту его вооруженную интервенцию надо рассматривать как намерение Казаков освободить крестьян от рабства (освобожде-

3) Флечер, 45.

ние пришедшее только через двести лет — 1670–1861), как стремление к установлению свободы выбора власти, до сих пор еще не шедшее на Москву; как введение принципа «всяк всякому равен» — неизвестно еще когда он установится на Руси.

Интервенция Степана Разина не удалась, но из этого вовсе не следует, что и в сознании самого великоросского народа, она прошла бесследно.

Обаяние самой личности Разина, те песни и легенды, которые созданы про него народом, самый размер интервенции и цели ее показывают, что идеи Разина великоросским народом восприняты и оценены: после поражения Разина эти идеи залегли в глубоком подсознании народа, готовые обнаружиться всякий раз, когда позволяет к этому обстановка.

Эта казачья интервенция пробудила в поработанном крестьянстве начатки сознания достоинства человеческой личности, в нем заглушенные, и надежду когда нибудь дожидаться этого «выкуп, выручки».

Народ верит, что Степан Разин жив и что он к нему вернется.

Как определить «движение Кондратия Булавина — была ли это революция, мятеж или бунт?

В ту эпоху государственное положение Дона было таково: принужденной присягой Дон должен был «служить» Москве, т. е. оказывать ей помощь своими войсками и Дон не имел права внешних сношений, хотя сама Москва продолжала сноситься с ним попрежнему чрез Посольский приказ в его первом отделе, т. е. как с иностранным государством, но внутренняя его жизнь оставалась в полной неприкосновенности: Дон осуществлял полностью свою казачью юрисдикцию, он принимал политических и религиозных эмигрантов.

Но появление на территории казачьего присуду московских военных отрядов и насильственное удаление ими с Дона политических эмигрантов показывало уже намерение Москвы вторгаться во внутреннюю казачью жизнь.

Есть, пока еще смутное, сведение, что истребление Кондратием Булавиным отряда кн. Долгорукова последовало по предложению самого Войска, что К. Булавин получил приказ, правда никем неподписанный, но за войсковой печатью.

Ригельман говорит, 1) что такие распоряжения без подписи, но за войсковой печатью, были обязательны во внутреннем управлении Войска, так как Войсковые атаманы не всегда бывали грамотны.

4) Ригельман, 142, 143.

Отсюда можно заключить, что Булавинское «движение» шло от самого Войска и является оно вооруженной защитой против вторжения Москвы во внутреннюю жизнь Дона, и оно вовсе не есть ни революция, ни мятеж, ни тем более бунт, как любят это подчеркивать великоросские историки.

Эта вооруженная защита Дона против вторжения Москвы в его внутреннюю жизнь имела все данные, чтобы разлиться по всей Руси, так как горючий материал к тому был на лицо: интервенция Степана Разина была еще жива в сознании Великоросов-крестьян, непомерные тяготы, вызванные войнами Петра, раздражали низы и средний слой Великоросов.

Начавшиеся было организовываться во время «движения» К. И. Булавина среди Великоросов в соседних с Верховными казаками в Тамбовском и Козловском уездах круги и выборы атаманов по казачьему образцу не получило дальнейшего расширения, так как защита Дона была в буквальном смысле потоплена в казачьей крови — мужское население в районе восстаний истребилось поголовно.

Ярлык Стародубцева, объявившего себя сыном Петра I-го:

«Мы, Петр Петрович, **покладаемся** (!) на казаков, дабы постояя за старую веру и за чернь, как бывало при отце нашем и при деду нашем» (Сват., 156), показывает всю силу и значение Казаков («покладаемся») в глазах великоросской «черни».

Защита Дона Кондратием Булавиным не принесла счастья ни ему самому — он застрелился в своем доме, защищаясь от нападений на него, а дочь его, прекрасная Галина, вместе с ним защищавшаяся, вонзила себе турецкий клинок в сердце, — не принесла счастья ни Донскому Войску (кошмарные плоты с повешенными Казаками), ни Великороссам.

У этих последних она могла освежить в их сознании только светлую память о девизе Степана Разина, чтобы воскреснуть снова при Емельяне Пугачеве.

**

Спустя сто лет, во время которых великоросский крестьянин продолжал быть рабом и все ждать себе «выкуп, выручки», после Степана Разина другой донской Казак Емельян Пугачев, на этот раз уже на Яике, а не на Дону, поднял среди яицких Казаков восстание во имя тех же принципов, что и Степан Разин — равенства, самоуправления, социальной справедливости, против тех же лихих помещиков и московитинской администрации, против тех же «кособрюхих бояр».

Движение, возбужденное и возглавленное Емельяном Пугачевым, надо рассматривать уже как революцию в ее чистом виде, исходящую от подданных.

Она преследовала те же цели, что преследовала вооруженная интервенция Степана Разина — освобождение крестьянского люда и других поработенных Москвою народов, желание дать им возможность свободно дышать, свободно веровать, облегчить от несправедливых и непосильных налогов, защитить народ от тех же «злодеев дворян, градских мздоимцев и судей».

В отличие от вооруженной интервенции Степана Разина, неповлиявшей на изменение государственного курса московитинской верхушки, революция Емельяна Пугачева, «поколебавшая государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов», 1) оказала свое влияние на правящие круги и на великоросскую общественность.

«Сама пугачевщина», заключает проф. Ключевский, «выступала под легальным знаменем и несла с собою идею **законной** власти против екатерининской узурпации с ее пособниками дворянами. Когда почва затряслась под ногами, в правящих сферах по почину Екатерины II 2) всплывает мысль об **уровнении** общества, о **смягчении** крепостного права.» 3)

Обращают на себя внимание постоянные неудачи правительственных войск во время борьбы с Емельяном Пугачевым «по непростительному нерадению начальства». 4)

Причину этих неудач надо искать прежде всего в гении самого Е. Пугачева.

«Он так умело направлял осадные операции, что Рейнсдорп сравнивал его с знаменитым французским военным инженером, выдающимся теоретиком и мастером осады, Вобаном. Жившие тогда в России иностранцы проводили параллель между Пугачевым и великими военачальниками древнего Рима Цезарем и эпохи английской революции Кромвелем.» 5)

Кроме того Пугачев обладал и высшим даром политического деятеля — даром дерзновения, в котором Великоросы хотят видеть только простую «дерзость».

В этих неудачах правительственных войск можно усматривать, может быть, и тайное сочувствие казачьим идеям со стороны некоторой части тогдашнего культурного офицерства. В правительственных войсках было много командиров с иностранными фамилиями, которые едва ли сочувствовали тогдашнему режиму, а может быть и настроенных против екатерининской узурпации с ее дворянами: Рейсдорп, Брандт, Кар, Грейман, Корф, Валленштерн, Бюлов, Михельсон, Муфель, Мелли, Диц и

1) А. С. Пушкин. Ист. пугач. бунта, 128.

2) Вернее под влиянием революции Емельяна Пугачева.

3) Ключевский, III, 13.

4) Пушкин. Ист. пугач. бунта.

5) Гайсенович. Пугачев, 156.

др., и в этом случае в них можно видеть как бы зародыш будущего восстания декабристов, восстания несомненно навеянного казачьими идеями и действиями.

Затем, под влиянием только ли одного страха и принуждения переходили к Пугачеву отдельные лица из дворян и духовенства?

С приходом Пугачева многие из них «восчувствовали» себя более свободными от гнета другой части дворянства, сплотившейся вокруг трона; под влиянием действий Казаков в глубинах их подсознания пробудилось чувство справедливости казачьих идей, подчеркнулось неподобающее отношение со стороны дворян к крестьянам, таким же, собственно, людям, как и они сами; эта революция выявила и более выпукло подчеркнула тяжесть и несправедливость как крестьянской и рабочей жизни, так и, особенно, поработенных Москвою народов; она заставила всех задуматься над состоянием тогдашнего общества.

В подавлениях и Разина, и Пугачева вместе с дворянством принимали участие и крестьяне (солдаты), т. е. те, которых Казаки шли освобождать от вечного рабства.

Великоросы-шовинисты, особенно теперь в СССР, не хотят признавать, как **казачьи**, ни вооруженной интервенции Степана Разина, ни революции Емельяна Пугачева; по их мнению это движения «крестьянские», лишь руководимые Разиным и Пугачевым.

«Широкие массы угнетенных национальностей часто **присоединялись** к восстаниям **русских крестьян**, направленных против царя и помещиков. Так было, напр., во время **крестьянских** восстаний Разина в XVII в. и Пугачева в XVIII веке. Татары, Башкиры, Чуваши, Казахи (сред.-аз. Казаки, И. Б.) и другие завожские народы принимали в этих восстаниях самое активное участие». 6)

В действительности же крестьянские восстания проявлялись лишь в подлинных бунтах против местных помещиков или против злоупотребляющей местной администрации, но они никогда не подымались до настоящего революционного состояния.

И во время революции Пугачева крестьяне «храбро сражались вблизи своих деревень, но в большинстве своем уходили из армии, как только она переходила в другие места», 7) а чаще всего происходило то, что крестьяне, расправившись со своими помещиками и разделив их имущество, просто оставались дома, считая свою освободительную миссию выполненной, 8) тогда как Казаки шли вперед, поднимая народ.

6) Трайнин. Великое содружество народов, 7. М. 1946.

7) Учеб. Ист. СССР, II, 62.

8) Гайсинович. Пугачев, 211.

Это слабое участие крестьян ущемило самолюбие великоросских шовинистов и заставило их в учеб. Истории СССР революцию Пугачева обозначить, как «Восстание крестьян и поволжских народов», 9) а интервенцию Ст. Разина, как «Народное восстание под предводительством Ст. Разина». 10)

Но ведь движения и Ст. Разина, и Ем. Пугачева зародились в казачьих землях, руководились Казаками, которые принимали главнейшее участие, Казаками же и на казачьих же землях они и закончились...

Все эти казачьи движения были высокоальтруистического, бескорыстного порядка: они пролагали Великоросам-крестьянам путь к свободе, для самих же Казаков они не представляли никаких материальных выгод, все делалось ради освобождения крестьян от рабства, а сами Казаки несли за это только тяжкие потери жизнями, урезание своих прав политических и территориальных, ибо Москва, когда она брала верх, в своих расправах всегда была и есть беспощадна, так как внутреннего самообуздания у нее нет.

А ныне уже само крестьянство великодушно расплатилось с Казаками, изгнав самих же Казаков с их вековых земель.

На роль и значение Казаков в жизни Московского государства не только Великоросы, но и сами Казаки не обращали достаточного внимания и она прошла незамеченной, теперь же Казаки сметены Великоросами, и земли их заселены ими же самими.

**

Если проследить историю Московского царства во времена ее политических кризисов и вообще во времена крупных событий, которые происходят, разумеется, не каждый год, то можно заметить тот факт, что всякий раз тот, кто опирался на Казаков, выигрывал, и тот, кто шел против них, рано или поздно сам был обречен.

Борис Годунов яро пошел против Казаков и в конечном счете погиб, потому что Казаки пошли против него.

Лжедмитрий сначала оперся на Казаков и был коронован Московским царем; но по лукавому совету бояр он распустил их и, когда он понял свою ошибку, то было уже поздно — Лжедмитрий погиб.

Дворянское ополчение, в Смутное время, было непримиримо настроено против Казаков — «отнюдь... не стаивать», однако без них ничего не сделало.

Династия Романовых была возведена Казаками, но со временем она стала уклоняться от них и оказалась уничтоженной.

9) Уч. Ист. СССР, II, 62.

10) Там же, I, 194.

В революцию 1905 года царское правительство удержалось благодаря опять таки Казакам.

Нечто подобное произошло и в эту Смуту.

4-7 июля 1917 года при первой попытке большевиков Временное Правительство имело на своей стороне Казаков и оно удержалось у власти; при втором же восстании, в октябре, большевики сумели заручиться нейтралитетом Казаков, и Врем. Пр-во пало, но надо сказать, что в самый критический момент, когда положение можно еще было бы спасти, пытались телефонировать Казакам, но было уже поздно.

Один из членов Врем. Правительства, Смирнов, когда их, арестованных, вел отряд рабочих под командой Авсеенко через площадь, которая была пуста, то он, видя этот отряд, подумал, как он писал в своих воспоминаниях по этому поводу: «если бы сюда сотню Казаков, то вся эта банда была бы разогнана».

После подавления восстания 4-7 июня 1917 г. донские Казаки говорили: «никто никогда не приходил к нам из властей, ничего не сказал, за что мы, собственно, должны умирать».

В октябре того же года Казаки уже не выступили.

А результаты восстания большевиков опять могли бы быть другими.

Таким образом, достижение большевиками власти произошло в силу воздержания Казаков от противодействия им, что лишний раз подтверждает силу и значение Казаков во внутренней российской жизни.

Большевики, учтя этот исторический факт, после прихода их к власти, с необычайной яростью накинулись на их истребление, запретив даже самое слово «казак».

Но не постигнет ли и самих большевиков та же участь?

Добровольческая армия могла создаться только благодаря Казаков, давших ей возможность сформироваться; Казаки давали ей денег столько, сколько она просила, причем Казаки не должны были даже спрашивать на что, на какой предмет она их упребит; Казаки, в интересах дела, в военном отношении подчинились ей, но когда Добровольческая армия пошла против Казаков, она погибла, а вместе с тем погибло и само дело, борьба с коммунизмом, дело, во всем мире впервые начатое Казаками.

И теперь, в этот скорбный и тяжкий для Казаков час, когда мысленно пробегаешь историю казачьих Войск; когда вспоминаешь неоценимую помощь, оказанную ими Московскому царству, дважды в буквальном смысле спасенному казачьей кровью; когда думаешь о приращениях, данных Московскому царству Казаками, о тех потоках крови, о тех страданиях, о тех жизнях, бескорыстно принесенных Казаками за освобождение великорос-

ского люда от рабства; когда знаешь теперь о поруганных казачьих святынях, об ограбленных их землях, о бесконечных измывательствах Великоросов над Казаками, а самих Казаков видишь рассаженными по темным рудникам, за полярным кругом, или же разогнанных по всему лику Руси святой, то сердце наполняется скорбью и невольно спрашиваешь себя — да стоило ли Казакам приносить столько жертв, чтобы быть уничтоженными самими же Великоросами?

И без всякого колебания, и без всякого угрызения совести сам себе отвечаешь — нет, не стоило бы.

С о д е р ж а н и е.

От автора	3
«Без Казаков не быть бы России»	5
Куликовская битва	12
Покорение Сибири	14
Смутное время	27
Азовское Сиденье	46
Взятие Смоленска	50
Война 1812 года	53
Разин С. Т., Булавин К. А., Пугачев Е. И.	58

Цена книги: во Франции — 350 фр., за границей — 1 ам. доллар. С требованием обращаться: Мг. BOUDANOFF J., 277, rue de Vaugirard, Paris 15°. FRANCE. 288

Цена книги поставлена явно убыточная и обозначена она в этом размере только благодаря пожертвованиям.

У публики нет ясного представления об издании книг. Обошлась книга, напр., в 90.000 фр., издано 500 экземпляров, многие считают, что один экземпляр обошелся в 180 фр.

Увы, совсем это не так. Расходы по изданию книги ложатся на то количество экземпляров, которое может быть **продано**. А продать книг в казачьей среде можно не более 200 экз., а остальные будут лежать; след., по вышеуказанным расходам стоимость книги будет 450, а не 180 фр.

Причина такого малого распределения книг заключается в том, что ни великоросская общественность, ни украинская казачьими книгами не интересуются, а казачий рынок не особенно емок, так как Казаки не понимают надлежащим образом силу и значения прессы; существующая же между ними политическая рознь заставляет их избегать покупки тех книг, которые не льют воду на их мельницу.

Но нужно должное отдать Казакам, что никакого внешнего финансового источника они не имеют и им приходится надеяться только на самих себя.

Imprimerie P.I.U.F. 3, rue du Sabot, Paris 6-e